

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Исполняющий
обязанности*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Исполняющий обязанности

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Исполняющий обязанности / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

Убита женщина, известный врач-нарколог. Следователи уверены, что ее гибель произошла по ошибке, на самом деле готовилось покушение на важного московского чиновника, заместителя мэра города. Обвинения в бездействии обрушиваются со всех сторон на органы правопорядка. Дело ставится на контроль в президентской администрации. И тогда расследование берет в свои руки Генеральная прокуратура, а конкретно старший помощник Генерального прокурора Александр Борисович Турецкий. Но в процессе расследования выясняются факты, которые в корне меняют первоначальную версию...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава первая Лепила

1

Татьяна Васильевна Артемова медленно поднималась по лестнице на девятый этаж. Это был не ее каприз, а ежедневное физическое и даже отчасти нравственное испытание. Противное, тяжелое, но... необходимое. Хочешь держать себя в форме, изволь подчиняться. Пятьдесят лет для красивой, ну во всяком случае, весьма привлекательной еще женщины не такая уж грань, после которой и вспомнить, как говорится, будет нечего. Но если каждый твой рабочий день расписан уже второй десяток лет практически поминутно, очень трудно найти время для того, чтобы следить за своей физической формой. А надо. Вот и отдышка появляется, этого еще не доставало!

Странно, вроде ничего тяжелого она не несла, кроме разве что груза прожитых лет, а устала. Возраст, конечно. Ну и еще заботы...

Шофер мужа Веня – она слышала, как наверху громко хлопнула дверь в квартиру, – уже поднял пакеты с продуктами, которые она захватила в универсаме, и теперь раскладывал их, наверное, на столе на кухне, вынимая из тяжелых сумок. Хоть это самой не надо делать...

Так, седьмой этаж... Еще короткая передышка – и крупная, представительная женщина, постояв на лестничной площадке, двинулась дальше. Оставалось фактически два пролета. Дверь на площадку перед лифтовыми кабинами никогда не запиралась. Соседи знали о чудаческой привычке Татьяны Васильевны всегда подниматься только пешком и пользоваться лифтом лишь в исключительных случаях.

Татьяна Васильевна подумала: «Как странно, ежедневно поднимаюсь по этой лестнице и никогда не обращаю внимания на стены, которые, как и большинство им подобных в таких же домах, расписаны мальчишками английскими словами? (Доминировало среди подросткового творчества широко известное ругательство.) А зачем им это все? Из чувства протеста? Но против чего? Откуда, в самом деле, эта бессмысленная матерщина на языке, которым ты, пацан, став взрослым, никогда не будешь пользоваться? И что за вызов? Раньше, помнится, писали: „Вася плюс Таня = любовь“, и это было ужасно стыдно, так что и подумать страшно, а теперь?... Надо бы напомнить консьержке, сидящей внизу, в застекленной будке, что между восьмым и девятым этажами снова порезвились местные хулиганы. Замыть бы это, стереть англоязычную гадость!..»

Вот и закончилась бесконечная лестница... Упрямство, разумеется, хорошее качество характера – иногда! – но все-таки ужасно утомительное. Наверное, пора с этим делом действительно «завязывать», как выражается муж. С его стороны ее привычная методичность всякий раз оборачивается шутками, насмешками – беззлобными, правда, но иногда очень почему-то обидными.

Татьяна Васильевна немного постояла, успокоила дыхание, взялась за ручку лестничной двери и потянула ее на себя. И в этот миг прямо в лицо ей ударила ослепительная, гигантская вспышка, и грянул оглушительный взрыв. Но его она уже не слышала...

Начальник следственного отдела межрайонной прокуратуры Валентин Арнольдович Кучкин счел своим долгом немедленно прибыть на место происшествия, хотя в этот день он чувствовал себя неважно – простудился и, мучаясь сильным насморком, усиленно лечился, находясь дома. Но, узнав из телефонного звонка своего зама, что в элитном доме на Бережков-

ской набережной только что убита супруга заместителя мэра, он немедленно приказал подать машину. Не забыл даже мундир надеть, хотя дома ходил в пижаме.

Когда он приехал на место происшествия, на лестничной площадке девятого этажа, буквально развороченной мощным взрывом, уже работала группа сотрудников следственного отдела прокуратуры, толпились оперативники из МУРа. А эксперты-взрывотехники собирали остатки металлических частей мусоропровода, покореженной лифтовой кабины, которая, на беду, стояла на девятом этаже, и деталей разорвавшегося заряда, заложенного в том самом мусоропроводе. По их первоначальной версии, здесь было применено взрывное устройство мощностью примерно триста граммов взрывчатки в тротиловом эквиваленте и со взрывателем натяжного действия. То есть была установлена растяжка, закрепленная одним концом на нижней филенке двери, а другим – на самом взрывателе, спрятанном в мусоропроводе. Такой бомбой можно было не то что человека убить, но и целый стояк дома разворотить! Что, в общем-то, и произошло.

Кучкин прошел в квартиру потерпевших. Сам Георгий Витальевич, которого Валентин Арнольдович прекрасно знал, лежал на диване в полуобморочном состоянии. Возле него хлопотали доктор, пожилая женщина-врач и молоденькая медицинская сестра в неприлично коротком халате. Но это прокурор отметил проходя, гораздо больше его сейчас занимало состояние хозяина квартиры.

– Георгий Витальевич, – негромко позвал он, склонившись над широколицым мужчиной с мокрым полотенцем на лбу, – как вы себя чувствуете?

Спросив, он понял, что более идиотский вопрос трудно себе представить. Ну как на него ответить? Хорошо? Бред! Плохо? Это и так видно, даже невооруженным глазом. И прокурор поспешил исправить свою оплошность:

– Я понимаю, как вам сейчас тяжело... Примите мои самые искренние соболезнования, однако что сделано... того, к великому сожалению, не исправил. Скажите, как это произошло? А то от тех, – он неприязненно мотнул головой в сторону сотрудников прокуратуры, работавших за распахнутой настеей дверью квартиры на лестничной площадке, заваленной кусками бетона и другого мусора, – толку пока не добиться.

– Я могу сказать, – заявил, входя в комнату, рослый парень с подвязанной левой рукой и несколькими кровоподтеками на лице.

– Вы кто? – нахмурился начальник следственного отдела.

– Я водитель Георгия Витальевича. Я Татьяну Васильевну и привез...

Уже через минуту Кучкин знал всю предысторию со взрывом во всех подробностях.

Вениамин, или Веня, как его звали в доме Алексеевых-Артемовых, привез супругу хозяйина с работы. Откуда конкретно? Из окружной наркологической больницы, где Татьяна Васильевна работает... работала до последней минуты главным врачом. Она же, кстати, являлась и главным наркологом центрального района. По своему обычаю, она отправилась наверх не на лифте, как все нормальные люди, а стала подниматься по лестнице, что делала и вчера, и позавчера, и всю свою жизнь в этом доме. Пешком по лестнице вверх – это была ее привычная зарядка. И об этом знали все ее знакомые и не удивлялись. У каждого, в конце концов, есть свой пунктик. Так произошло и теперь.

Она уже поднялась и открыла дверь с лестницы, что ведет на площадку перед лифтами, когда раздался оглушительный взрыв, который разнес стены и убил женщину наповал. Вернее, если по правде, то не до конца убил. Она еще дышала, когда прибыла «скорая», вызванная им, Вениамином. А хозяин в это время валялся на полу без сознания, и медицинская помощь оказалась нужнее скорее ему, нежели его супруге. Но пока ее спускали на носилках по разрушенной лестнице, жизнь ее прекратилась, поскольку оказалась несовместимой с полученными ранениями. Так заявили врачи. Они же и отвезли развороченное взрывом тело в морг.

Вот, собственно, и вся история. Кто это сделал и зачем – не мог сказать ни один из присутствующих здесь.

Пока длился рассказ Вениамина, пришел в себя супруг погибшей. Он, несмотря на протесты врачей, приподнялся и сел, узнал наконец Кучкина, слабым голосом поблагодарил того, что Валентин Арнольдович принял так близко к сердцу его трагедию, и, подозвав его к себе поближе, а также услав из комнаты всех остальных, вдруг напряженным шепотом произнес:

– Вы догадываетесь, что произошло?

Кажется, этот его вопрос был из той же серии, что и первый вопрос Кучкина. Но Валентин Арнольдович не подал вида.

– Это не ее... – Алексеев всхлипнул. – Они меня хотели убить... Таня – случайная жертва!..

Вот так новость! Только этого сейчас не хватало!

– С чего вы взяли? – осторожно спросил начальник следственного отдела.

– Я знаю... Они мне уже не раз угрожали... Это все из-за стройкомплекса... Бедная, несчастная Таня! Ее-то за что?! Она же доктор, она всю жизнь людям помогала! Лечила их, страдала из-за них! И ее убили-и-и... за что-о-о?.. – Он застонал, обхватив голову руками и раскачиваясь. Но вдруг взгляд его снова стал осмысленным. – Валентин Арнольдович, я помогу вам! Я назову фамилии этих мерзавцев! А вы их обязательно возьмите, выбейте из них признания и... накажите, чтоб другим... чтоб другим!..

– Наказывать – это дело суда...

– Я назову! Обязательно! Только дайте мне возможность прийти в себя... пережить это чудовищное горе...

Он зарыдал, и Кучкин понял, что большего пока от этого свидетеля он не добьется. И не надо. Пусть расследование преступления идет пока своим путем, а вернуться к показаниям можно будет и завтра.

Полагая, что больше ему здесь сегодня делать нечего, и оставив безутешного Георгия Витальевича Алексеева на попечении врачей, Валентин Арнольдович уехал восвояси – лечиться и ужинать.

2

Четыре дня прошли с момента вышеозначенного трагического события. Улеглись похоронные волнения, зато усилились разговоры относительно того, кто теперь будет назначен на место главврача ведущей наркологической больницы и соответственно станет главным районным наркологом. Решение еще не было принято наверху, у городского нарколога, и этот вопрос оставался открытым, вызывая у заинтересованных лиц бесконечные пересуды.

Один из тех, кто определенно мог бы претендовать на служебное повышение в связи с открывшимися возможностями, доктор Вячеслав Сергеевич Баранов, сидел в своем неприятельном кабинетике главного врача наркологического диспансера. Уже заканчивался бесконечный рабочий день, подходила к финишу и его беседа с посетительницей, которая на сегодня была, видимо, одной из последних у него на приеме.

– Вы, надеюсь, не забыли наш договор? – Испытующим взглядом доктор в отутюженном белом халате посмотрел на сидящую перед ним важную даму, закутанную в меха, и загадочно улыбнулся.

– Не забыла, доктор, – ответила та, одной рукой небрежно расстегивая сумочку, лежащую перед ней на столе. – Но как же я узнаю о том, что наш договор действительно решился в пользу... э-э... объекта, о коем между нами шла речь? И потом, я должна быть полностью уверена, что вопросов больше не возникнет! Разве не так?

Она говорила очень туманно, полагая, видимо, что в этом кабинете только таким образом и следует изъясняться – словно о чем-то постороннем.

Он снисходительно посмотрел на нее – такую вальяжную, самодовольную, богатую, которая может себе позволить разговаривать с ним как бы через губу. Ну да, а кто он, вообще, для нее? Врач из диспансера, пусть и главный... Но это даже не главврач той же районной поликлиники, куда она наверняка сто лет не ходила. К ней доктора сами по телефонному звонку на дом выезжают, из ЦКБ поди, из бывшей «кремлевки». И ботинки в прихожей снимают. Интересно, им что, домашние тапочки без задников выдают или целлофановые бахилы, модные нынче в частных клиниках? А солидные доктора, точнее, сопливые, безграмотные в медицинском отношении мальчишки, почитающие себя невесть кем в профессии и научившиеся не лечить пациентов, а лишь наперед угадывать их желания, заботливо спрашивают ее: «А что бы вы хотели принять на ночь? А от чего вы себя, уважаемая... ага, Прасковья Поликарповна, чувствуете комфортней?» Вот такой, понимаешь, расклад...

А ты мечешься как сумасшедший – там урвешь, тут перехватишь, на тот же бензин для срочных поздних выездов. Будто нищий. Чтоб такая вот Прасковья Поликарповна потом смотрела на тебя как на приставучую прислугу, которой приходится отстегивать дополнительные деньги за работу повышенной сложности. Так и это для того, кто понимает, а ей-то самой без разницы. Справка всего-то и нужна, что ее сынок, наверное очередной балбес, состоит на учете в психушке в связи с эпизодическим употреблением наркотиков и, следовательно, должен получить освобождение от призыва в армию.

Справка что? Бумажка, которой, в сущности, можно подтереться. Но прежде чем эта «бумажка» поступит в райвоенкомат, она должна пройти по многочисленным документам, ведомостям, образцы анализами. Вот, собственно, конкретный процесс «прохождения» и стоит тех больших денег, которые для этой Прасковьи, поди, мелочь. При ее-то супруге!

Впрочем, это сейчас дама смотрела на него как на слугу. Дело фактически уже сделано, подошло время расчета. А при первом посещении она выглядела едва ли не самой несчастной просительницей, у которой судьба ломается прямо на глазах, и не пожалеть ее – себя не уважать.

«Зря я поторопился. В этом деле вполне можно было удвоить цену», – запоздало подумал доктор, и тень недовольства мелькнула на его лице. Придется ведь и с военкомом делиться. От него ж клиентка пожаловала, с его подачи...

Господи, как же надоела эта вечная зависимость!

Пухлый указательный палец с толстым золотым кольцом и вдобавок еще крупным перстнем по-прежнему лежал, словно в ожидании, на замке сумочки из змеиной кожи, аналогичной той, из которой были сделаны и ее туфли. Небрежно распахнув полы диковинной своей шубы, дама закинула крупную, полную ногу на другую и покачивала ею, демонстрируя туфлю с длинным острым каблуком. На таких не то что ходить, на них и смотреть боязно! Довольство, достаток так и перли, черт возьми, из этой дамы, не совсем молодой уже, но вполне пригодной для определенных целей. У доктора даже мелькнула шальная мысль: встать сейчас, запереть дверь на ключ, а потом развернуть эту стерву, закинуть ей шубу на голову да задуть с такой силой и яростью, чтоб она завопила как резаная. А что?

Он, видимо, слишком много «сказал» своим взглядом, потому что она тут же убрала ногу и стала смущенно копать в сумочке, хотя нужды в том никакой не было. Да и деньги она наверняка не раз уже пересчитала. Вон они – тонюсенькая пачка, аптечной резинкой перетянутая. Не такие уж и деньги, чтобы о них жалеть! Подумаешь, всего штука баксов! Зато отпрыск навсегда освобожден от армейской службы. А для их общего наверняка семейного бизнеса справка из наркологии о «бытовом употреблении наркотиков» младшим из ее членов ни малейшей роли играть не будет, такие дела...

Деньги переключались со стола в приоткрытый ящик письменного стола – доктор сделал всего лишь спокойный жест карандашом с ластиком на конце, и пачка сама соскользнула в ящик. Этой показной небрежностью он как бы утверждал себя, демонстрируя, что деньги для него, в сущности, такая мелочь, о которой и думать не приходится.

– Так я могу надеяться, доктор? – уже с просительной интонацией произнесла дама и задвигалась на стуле, собираясь подняться.

– Вполне. – Он развел руками и поднялся сам, чтобы подать ей руку и проводить до двери. – Из военкомата вам скоро сообщат об их решении, можете не сомневаться.

«А она очень даже ничего, – подумал он, не отпуская еще ее пальцев и берясь за ручку двери, – если подумать да прикинуть, то вполне».

– Я надеюсь в скором времени, – сказал доверительным тоном, – сменить этот кабинет. – Он с насмешливой улыбкой обвел взглядом неприятного вида стены. – В следующий раз, мадам, вы, наверное, пожелаете ко мне уже в Центральную наркологическую больницу. В кабинет главного врача. Есть такая, понимаете ли, перспектива.

– Но у меня только один сын, – возразила она с кокетливой усмешкой.

– А я думаю, мадам, что вам самой скоро может понадобиться толковый невропатолог. К тридцати-то годам пора бы вам уже и о себе подумать...

– Ах какой вы! – опять кокетливо засмеялась она. – А ведь мне уже почти сорок!

«Врет, – подумал он без всякого снисхождения к ней. – Минимум сорок пять, вон морщинки-то... А руки на что похожи?.. Но крепка еще, в теле, ничего не скажешь, небось и до сладенького охотница... Прописал бы я ей сейчас пару... рецептов...»

– Правда? Вот ни за что бы не дал! Прямо-таки превосходно выглядите! И поэтому я с величайшим моим удовольствием и полностью к вашим услугам. – Он небрежно вынул из кармана свою сверкающую лаком визитку и протянул ей: – Здесь и домашний телефон, мало ли, на всякий случай – нервишки вдруг расшатаются, сны нехорошие будут сниться, то, другое. А я, к вашему сведению, и гипнозом владею, и кое-какими новейшими американскими методиками... Теперь ведь модно иметь персональных врачей, верно? Ну... не смею вас больше задерживать, однако если что – звоните.

Доктор закрыл за дамой дверь и потер ладони так, что они «загорелись». И было отчего. Три посетителя – три тысячи долларов. Ну полторы придется отдать полковнику Скворцову из военкомата, который, собственно, и «подсказал» безутешным богатым родительницам выход из «тупиковой ситуации» с их отпрысками, подлежащими призыву в армию. Плюс к этому четыре выезда на дом для купирования абстиненции. Тоже порядка пяти тысяч. В общем, сегодня неплохой улов. Не такой, правда, как хотелось бы, но жаловаться грех. А если нет поздних посетителей, то вполне можно позволить себе и традиционное активное снятие напряжения в конце долгого трудового дня. И доктор снял телефонную трубку:

– Варенька, там на сегодня у тебя никто больше не предвидится?

– Никого нет, Вячеслав Сергеич, – откликнулась секретарша – с виду вроде бы еще девчонка, но вытянувшаяся уже, крепенькая такая, старательная и наивная до умопомрачения. «Иногда, между прочим, этот хорошо, вероятно, сыгранный наив бывает очень уместен», – с удовольствием думал доктор.

– Тогда посмотри, если Ольга Ивановна не очень сейчас занята, скажи, пусть зайдет ко мне с теми документами, которые она приготовила на подпись.

– Хорошо, Вячеслав Сергеич!

А вот Ольга, старшая медсестра, с широченными бедрами, тяжелым узлом черных волос, гордо оттягивающим ее небольшую красивую головку, и с пухлыми, карминно-красными, жадными губами, всегда отлично знала свое дело. И умела его делать, и любила, в чем он не раз убеждался и от чего вовсе не собирался отказываться и в дальнейшем.

Пока старшая медсестра шла, доктор Баранов смахнул со стола в ящик все бумаги, достал из сейфа начатую бутылку коньяку, пару рюмочек, блюдо с нарезанным и посыпанным сахаром лимоном и отнес все это на круглый столик за ширмой, перегораживающий его кабинет надвое.

Эта высокая ширма с яркими золотистыми и алыми китайскими павлинами, резко контрастирующая с почти стерильной чистотой довольно бедного кабинета, всегда вызывала интерес, особенно у таких посетительниц, которая недавно покинула его кабинет. За ширмой просматривалась довольно широкая кушетка – для осмотра пациентов. И отдельные женщины поглядывали на нее – доктор это нередко замечал – с откровенным любопытством, словно представляя себе мысленно, что на ней могло происходить в отдельные моменты врачебного осмотра. И ведь они не ошибались. Именно для этой цели и держал в кабинете эту кушетку за привлекательной ширмой главврач диспансера. На случай, который, бывало, и не подводил. Но, как говорится, за неимением гербовой пишем на обычной! И Ольга полностью и отлично подходила под это определение.

Она быстро вошла, с любопытством окинула взглядом кабинет, будто собралась увидеть что-то необычное, шумно потянула воздух ноздрями, раскрыла яркие свои губы в улыбке и, обернувшись к двери, заперла ее на два поворота ключа.

– Уже накалился, да? – спросила весело. – И что это у нее за духи такие?

– С чего ты взяла? – недовольно и деланно озабоченно отозвался он.

– А я ее видела. Ничего бабенка, старовата, правда, для тебя, но если раскочегарить, как ты умеешь... Не пытался еще? – словно нарочно заводила она его. – А что, очень советую попробовать! – И непонятно было – всерьез она говорила или просто шутила.

– Не говори глупостей, – будто пойманный на чем-то неприличном, несколько смущенно отозвался он. – Налей нам по рюмочке. – Он жестом показал за ширму.

– Слушаюсь, мой господин! – так же весело отозвалась Ольга и, вызывающе покачивая широкими бедрами, удалилась за ширму.

Короткое время там что-то шуршало, стучалось об пол, – видно, падали сброшенные туфли, потом резко закричала кушетка – это старшая медсестра заняла наконец привычное свое исходное положение.

– Иди, я налила, – послышался ее голос, и доктор Баранов, стягивая с себя халат и небрежно кидая его на ширму, отправился к Ольге.

Кушетка закричала еще резче и ритмичнее, послышались глубокие вздохи, обрываемые короткими всхлипами, больше похожими на сдерживаемые с трудом вскрики, а затем разом оборвались, будто обрезанные долгим и протяжным, но едва слышным стоном. И непонятно было, чей это стон – мужчины или женщины...

Дважды коротко прозвенели и резко прерывались телефонные звонки.

Скрип кушетки то возобновлялся, то скоро прекращался. Наконец, поддевая и поправляя на плечах подтяжки, из-за ширмы появился доктор. Короткое время спустя вышла и старшая медсестра, застегивая на себе белый, тесноватый для нее халат. Она подала доктору пиджак и помогла надеть его в рукава, затем взяла со стола бумажную салфетку, поклонила ее и, подойдя вплотную к Вячеславу Сергеевичу, вытерла ею щеки и крылья его ноздрей, убирая следы своей губной помады.

– Так что ты утром намекал насчет дневного стационара? – спросила усталым, но деловитым голосом.

– Я думаю, – так же серьезно ответил Баранов, – что возможность занять кресло главврача ведущей наркологической больницы, совместив ее с должностью главного нарколога, становится не такой уж несбыточной мечтой, вот что.

– На фоне недавних событий? А от кого исходит такое предложение? – Ольга, похоже, зрела в самый корень.

– Есть кое-кто, – неопределенно ответил Баранов, не желая раньше времени выдавать свою тайну – так он хотел, чтоб ей, во всяком случае, казалось. – Ты-то пойдешь со мной? Как решила? Или останешься здесь? Или, может, у тебя уже имеются более выгодные предложения?

– Чудак, – усмехнулась Ольга, – а куда я от тебя, вообще, денусь? И кто тебе будет постоянно обеспечивать нужный тонус и полное душевное спокойствие? Сам подумай!

– Да разве только в этом дело? Мне верные люди понадобятся. А их очень мало.

– Будет больше. Ничего, справишься. Ты, смотрю, бодрый, даже не утомился. Сейчас пойду Варьке скажу, чтоб она еще губками поработала, на дорожку тебе, хочешь?

– А сама?

– Могу, конечно, но я не по этой части, ты же знаешь. И потом, я вовсе не ревнивая, что тебе так же хорошо известно... Слушай, Слав, а чего это разговоры вдруг пошли всякие?.. Будто бы ты сам и заказал Артемову? Ты бы пресекал их? Зачем тебе нужна лишняя болтовня?..

Иногда она была не к месту догадливой, знал о таком ее качестве Баранов. Этакая, понимаешь, не в меру сообразительная барышня тридцати трех лет от роду. И в этом имелся как несомненный ее плюс, так и некоторый минус – никогда ведь не знаешь, куда повернет вдруг женская сообразительность!

– А что я могу поделать? Собака лает – ветер носит. На всякий роток не накинешь платок, так ведь говорят? Но что-то предпринять придется, ты права. Пока я выезжал, мне тут никто из важных людей не звонил?

– У Варьки все записано, ты же знаешь. А кто тебе нужен конкретно, мне разве известно? – прижимаясь к нему всем телом, мурлыкнула она.

– Да-а... Ну ладно, давай тогда отдыхай, прибери там только, – мотнул он головой в сторону кушетки.

– А ты Варьку разве не захочешь угостить? – лукаво усмехнулась Ольга.

– Ой, девки, и тяжело ж мне с вами!

– Так уж! – отрываясь наконец от него и снимая руки с его плеч, с ухмылкой сказала Ольга. Она с вызовом подмигнула доктору, чмокнула его в щеку и, снова покачивая бедрами и похлопывая себя пальцами по втянутому животу, пошла к двери. Обернулась, сказала: – А ты у меня еще молодец! Вполне, вполне...

И пока Вячеслав Сергеевич раздумывал над ее словами, в кабинет вошла Варвара – студентка-вечерница с медфака – и с вопросительной ленцой уставилась на него. Ее острый кончик языка медленно скользил по приоткрытым пухлым губам, а выпуклые голубые глазки блудливо перетекали с доктора на павлинов и обратно.

3

Этот совсем уже поздний телефонный звонок сразу показался доктору Баранову чрезвычайно неприятным. Во-первых, он застал Вячеслава Сергеевича в очень неудобный для него момент. Варька так старалась, да и он уже сам, по правде говоря, сомлел, поэтому пришлось прерываться, и девушка, помня о своих обязанностях прежде всего секретарши, сама принесла ему на кушетку телефонную трубку.

А во-вторых, звонок явно был необычным – тот, кто добивался доктора, определенно знал, что тот у себя в кабинете, и, более того, мог даже угадать, чем доктор в настоящий момент занимается. Поэтому, видимо, телефон и звонил долго, пронзительно и требовательно.

Вячеслав Сергеевич, прежде чем заговорить, постарался успокоить собственное дыхание и несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул. Варвара уже успела смыться в приемную – знает порядок, послушная девушка. А в трубке стояло напряженное молчание.

– Я слушаю, – медленным и утомленным голосом сильно занятого человека наконец спросил Баранов.

– Не притворяйся, лепила! – послышался наглый и грубый ответ.

– Минутку, в чем дело? Вы кто?! – гневно повысил голос доктор, а пальцы его тем временем торопливо и машинально застегивали брюки.

– Не выступай, лепила! – В трубке послышался ехидный смешок. – А то мы не знаем, чего ты так поздно сидишь у себя? С прошмандовками своими! Кончай давай, у нас больше времени нету, базар к тебе имеется.

– Какой еще базар? – недовольно поморщился Вячеслав Сергеевич, уже понимая, о чем идет речь и кто назначает ему встречу, забывает стрелку – по-ихнему.

– Крутой! – уже без тени смеха рявкнул голос. – Сказано, кончай и выходи. Мы тут рядом, возле твоей тачки. Не тяни, твою мать...

«Ну точно они... – с неприятным ощущением подбирающейся к нему опасности подумал доктор. – Послать бы их подальше... Но с этой публикой тянуть нельзя...»

На автомобильной стоянке, напротив входа в неврологический диспансер, возле скромной «семерки» Вячеслава Сергеевича пристроился «БМВ» черного цвета – любимая машина крутых и бандитов. Правда, в последнее время на них, говорят, стали ездить и члены правительства – не на таких, конечно, а на последних моделях.

«Хорошо бы занять такую машинку, – с завистью подумал Баранов, – пациент сразу станет смотреть на тебя другими глазами».

А от того, как он на тебя смотрит, зависит в первую очередь и твой гонорар. Но о такой дорогой машине – на подержанную доктор ни за что бы не согласился – пока приходилось только мечтать. Однако... если некоторые его соображения и предположения смогут осуществиться – о чем сейчас, вероятно, и пойдет речь, – то скоро можно будет и машинку себе позволить. И достойную занимаемой должности квартиру прикупить, и очередные отпуска организовать, исходя наконец из личных своих потребностей, а не исключительно из возможностей, среди которых имеются, как правило, слабо приемлемые либо вообще неприемлемые варианты.

Левая задняя дверь черной машины открылась, и высунутая рука махнула доктору, приглашая садиться. В «БМВ» уже находились трое – один сидел за рулем, второй – рядом с ним, а третий и приглашал его устроиться на заднем сиденье.

– Ну че, лепила, испугался? Просекли мы тебя? – насмешливо спросил один из громил, сидевший впереди.

– А вы нормальным языком можете говорить? – спросил Баранов в свою очередь.

– Ишь какие мы крутые! – бросил сидевший рядом с ним и жестом показал переднему, чтобы тот заткнулся. – Так как прикажешь тебя называть? Лепила – это по-нашему. А чтоб на зоне тебе толмач не потребовался, привыкай заранее! От сумы и от тюрьмы... слышал небось?

– У вас дело ко мне или треп? И откуда вы узнали, что я на службе?

– Ну ты даешь, лепила! – расхохотался сидевший спереди. – Так окна ж у тебя светились. А чувырла твоя жопастьенькая уже давно домой намылилась! И дверь своим ключом заперла.

«Как все, оказывается, примитивно просто, – с неприязнью уже к себе подумал Баранов. – Но что они все вокруг да около?»

– Ну и где же ваш базар? – спросил уже нетерпеливо.

– А это мы шас поедем, отвезем тебя, там и будет.

– Куда? У меня своя машина!

– Не бойсь, лепила, базар серьезный, тебя обратно доставят, когда надо. Двигай, Чугун! – Сидящий рядом с доктором тронул водителя за плечо, и тот включил зажигание.

Стрелка, как они это мероприятие назвали, была намечена у них в кафе у черта на куличках, на Самаркандском бульваре.

В самом кафе, оформленном в восточном стиле и в данный момент практически пустом, верхний свет был приглушен и горели только маленькие лампочки под абажурами на столах. Возле одного из них в углу на деревянном диване, укрытом ковром с разбросанными на нем маленькими подушечками, с пиалой в руке полулежал толстый, явно восточного вида бритый человек в тубетейке. Напротив него, почему-то в кресле, расположился молодой, черноволосый мужчина – скорее кавказской внешности. Он пил из длинного бокала красное вино. Третий собеседник, которого, несмотря на полутьму, все же узнал Вячеслав Сергеевич, сидел как бы отдельно от этих двоих и пил чай из стакана в блестящем подстаканнике. Был этот человек со смазливой лицом хотя и без привычного милицейского своего полковничьего мундира, а в обычном темном костюме и при слегка приспущенном галстуке, но его легко распознал доктор Баранов как главного среди остальных.

– Чего так долго собирался, доктор? – спросил толстый азиат, отставляя пиалу и показывая на уже достаточно разоренный ужинавшими тут людьми стол.

– Поздние посетители, – ответил за Баранова приведший его сосед из машины.

– Капусту рубил, да? – засмеялся азиат. – Ладно, тебе потом еще накроют. Садись, беседа с тобой есть. Это Вахтанг, – он показал на молодого человека. – С Петром Ильичом ты уже, возможно, хорошо знаком, а я Исламбек. Тут все мое, – обвел-то он обеими руками как бы одно помещение кафе, а выглядело так, будто обнял весь Юго-Восточный административный округ столицы.

Да так оно, впрочем, наверняка и было. Но странное дело, смеялся, представляя своих, в данный момент, можно сказать, собутыльников один Исламбек, двое других хранили упорное молчание.

Вячеслав Сергеевич, пододвинул себе стул и сел, отпихнув локтем уже использованную, но не убранный со стола посуду. Сказал тоном совершенно чужого в компании человека:

– Ну и чего вам от меня потребовалось? Укол кому сделать?

Не совсем понимал он, но больше делал вид, что не представляет причину своего присутствия здесь, среди этих, по большому счету, незнакомых ему людей. Двоих он точно не знал.

Ну с Огородниковым, начальником отдела по борьбе с организованной преступностью в округе, он был, естественно, знаком, хотя и шапочно, – встречались на крупных совещаниях в отделе здравоохранения, где обсуждались показатели по борьбе с наркоманами. Он частенько там присутствовал, – видно, ему было положено по должности. Но здесь-то что этих людей объединяло – вот вопрос? И кто они на самом деле? Догадки строить в подобных ситуациях, а пуще того верить им было бы преступным легкомыслием. Да и вообще, не нравилась эта обстановка Баранову, чего он не стал скрывать, а всем своим видом показывал, что всего лишь подчиняется силе.

Заметил это его отношение и Вахтанг. Он что-то сказал, возможно, на азербайджанском языке, отчего полковник поморщился. Но Вахтанг тут же поправился, перевел свою фразу на ломаный русский:

– Я говорю, он ничего не понимает, – Вахтанг брезгливо покосился на доктора, – объяснить надо, а не вола тянуть, да?

– Слушай! – всплеснул пухлыми руками Исламбек, обращаясь к Баранову. – Что непонятного, скажи? Ты просил помощи у Давида, так? Он пообещал и сделал. Что непонятного? Давид – мой человек, это я ему велел. Но тебе, доктор, теперь не с ним, а со мной говорить надо. Не знаю, что непонятного?.. – Он откинулся на подушки. – Скажи ты, Вахтанг!

– Подождите, господа, – поморщился Вячеслав Сергеевич. – Похоже, мы в самом деле не понимаем друг друга. Я не знаю, какое отношение имеет к вам ваш Давид, но я с ним, скорее всего, незнаком. Это первое. Естественно, я ни о чем его не просил. И не знаю, о чем вы тут толкуете, – это во-вторых. А в-третьих, я, наверное, засиделся в гостях и, если вы не против, с удовольствием покинул бы ваше приятное общество...

Доктор Баранов сейчас врал. Врал и себе, и им. Он прекрасно понимал, о чем и о ком конкретно идет речь. Но дело в том, что беседовал доктор с одним из бывших пациентов, которого он лично сумел спасти в свое время от приговора, добившись принудительного для него лечения в психиатрической больнице, иначе за двойное убийство, совершенное с особой жестокостью, тому парню грозило бы пожизненное заключение. А из психушки он скромненько вышел через три года по решению психиатрической комиссии в связи с ремиссией и, поскольку больше не представлял социальной опасности для общества, был направлен под диспансерное наблюдение – так было записано в его окончательном диагнозе. Короче, этот парень по кличке Додик должен был теперь по гроб жизни быть благодарным доктору Баранову, который принял в его судьбе столь деятельное участие. Бесплатно, конечно, об этом никто и не говорит. Но факт свидетельствует сам за себя.

И когда однажды у Вячеслава Сергеевича возникла мысль коренным образом исправить и свою биографию, отказавшись от долгих и бесперспективных потуг вырваться в высший эшелон наркологической, так сказать, власти, дельный совет и конкретная помощь Додика оказались весьма своевременными и полезными. Может, это они его Давидом теперь кличут? Баранов уже и сам забыл настоящие имя и отчество своего подопечного.

Но если Додик и взялся помочь своему спасителю, то какое отношение имеют к нему эти люди? И самое неприятное, пожалуй, то, что они непохожи на самозванцев. Этот смазливый полковник, эти явные бандиты, которые приехали за ним, за доктором, чтобы привезти его сюда, эти, наконец, странные восточные люди, которые ведут теперь не менее странные разговоры... Это все как понимать?

Если Додик его заложил, передав, скажем, заказ своим поделщикам, а сам отошел в сторону, то зачем же он лично приезжал за гонораром? Словом, какая-то здесь туфта. И наверное, без Додика ему вообще вести разговор с этими людьми не пристало. Если опять же в базаре, как заметил тот бандит из «БМВ», появится реальная нужда.

Сказанное им по поводу Давида, похоже, совершенно не смутило преступную троицу, как про себя окрестил их уже Вячеслав Сергеевич.

– Ты не торопись, уважаемый, – в свою очередь недовольно поморщился и Исламбек. – Зачем так сразу? Мы же еще ни о чем не поговорили? Пиалу поднять не успели за дальнейшее, как у вас в Москве говорят, плодотворное сотрудничество. Ничего не успели, а ты уже торопишься. Нехорошо, вот и Вахтанг готов подтвердить. Подтверди, Вахтанг, пожалуйста.

Вахтанг кивнул своей черной, кучерявой головой. Исламбек перевел взгляд на полковника, тот приподнял одну бровь и хмыкнул, движением руки показав, что тоже согласен с общим мнением.

– Вы, как я понимаю, все давно между собой знакомы, так? – спросил Баранов у полковника.

– Можно сказать, что так, – кивнул тот.

– И в курсе всех общих дел?

– В курсе, – улыбнулся полковник.

– Так зачем же нам базар устраивать? – усмехнулся и Баранов. – Давайте, Петр Ильич, я завтра с утрачка, скажем, подъеду к вам в отдел, где мы и сможем переговорить на интересующую вас тему. Тем более что я с этими господами незнаком, мы, вижу, не понимаем друг друга. Зачем же зря напрягаться? Портить друг другу послеобеденное настроение, правда?

– А он дело говорит, – сказал полковник Исламбеку. – Может, в самом деле рано еще брать быка за рога? Как вы?

Вахтанг молча пожал плечами. Исламбек испытующе посмотрел на Баранова и обеими ладонями провел по лицу, будто на молитве.

– Но я хочу, чтоб он знал... наше мнение, да?

– Узнает, – спокойно, словно о постороннем, заметил полковник. И повернулся наконец к Баранову: – Ну так извините, что оторвали вас сегодня от важных дел. Вопрос, в сущности, довольно серьезный, и решать его на ходу никто не согласится, это правильно. Значит, я жду вас завтра к десяти, вы знаете, где мы находимся.

– Знаю. – Баранов поднялся. – Разрешите откланяться, господа. Меня обещали доставить?..

Исламбек что-то громко выкрикнул по-своему, в зале показался давешний сосед по машине и мотнул головой, приглашая следовать за собой. Расстались без рукопожатий, спокойно, даже отчасти доброжелательно. Но, выйдя на улицу, к стоящей у входа в кафе черной машине, Вячеслав Сергеевич ощутил наконец, что вся спина у него мокрая и ледяная.

«Пронесло», – сказал он сам себе и зябко поежился. Отвратительное это чувство собственной беспомощности. Но теперь первым делом надо было достать Додика – хотя бы даже и со дна моря...

4

Пока машина с молчаливым шофером мчалась обратно, ближе к центру города, Вячеслав Сергеевич ощущал, как к нему постепенно возвращалось спокойствие. Вспомнив выражение того уголовника насчет «жопастенькой чувырлы», доктор даже подумал, что вот именно сейчас, после перенесенного стресса, что ни говори, она вполне была бы уместна. Но – увы! – у нее семья, дом. Это он, душа неприкаянная, куда хочет – едет, с кем хочет – спит, а у них, у его женщин, свои постоянные заботы. Вот и оставались разве что мелкие увлечения, а не подлинные страсти. Как в старой байке – кино, вино и домино, вместо набережных Парижа на выходные, вместо ресторанов Ниццы во время летнего отпуска и вместо леди герл из какого-нибудь шикарного стрип-бара. Ну последнее-то можно и в Москве организовать, да денег, честно говоря, жалко. Не так их еще и много было у доктора Баранова, чтобы бездумно тратить на пусть дорогих, но все же шлюх.

Водитель, которого звали Чугун, привез его обратно и высадил возле «семерки». Он молчал всю дорогу и не отвечал ни на один вопрос доктора. А знать, с кем он встречался, очень хотелось. Нет, можно было, разумеется, подождать до завтра, до разговора с полковником, и уже у него выяснить, так сказать, диспозицию. Но лучше все-таки быть в подобных ситуациях заранее подготовленным к серьезному разговору, ну хотя бы информированным, чтобы по нечаянности не совершить потом ошибки.

– Значит, тебе неизвестно, чем занимается Исламбек? – уже без всякой надежды спросил у Чугуна Баранов, открывая дверь машины.

И тот неожиданно открыл рот:

– Не советую тебе, доктор, свой нос к нему совать. Чем занимается, тем и занимается, не твое собачье дело. А будешь бодягу разводить, замочат, и все дела.

Хоть и грубо ответил Чугун, но грамотно: не болтай, мол, лишнего, не накликай на свою голову беду.

– Ладно, и на том спасибо, – отозвался доктор, выходя из машины, которая тут же лихо развернулась, обдав его фонтаном снежной пыли, и укатила.

Показалось странным, что свет в окне рабочего кабинета еще горел. Баранов взглянул на наручные часы – половина двенадцатого. Значит, либо он сам забыл выключить свет, выходя, либо Варька, чертова девка, отправляясь домой, не заглянула в кабинет – проверить. «Надо будет ей завтра сделать втык», – подумал Вячеслав Сергеевич и вдруг засмеялся – неожиданно и совсем неплохо получилось у него насчет втыка. Да, оно очень бы оказалось к месту, но сейчас самое главное – найти Додика. Найти и немедленно выяснить у него, что это еще за номера?..

Баранов открыл дверь диспансера своим ключом, затем запер с другой стороны и поднялся на второй этаж, в свой кабинет. В здании стояла тишина, приемная была также пуста, но свет в кабинете главврача горел. Полоска света пробивалась под закрытой дверью.

Вячеслав Сергеевич резко толкнул дверь, вошел к себе и... замер. В его тяжелом, вращающемся кресле с высоченной спинкой – она могла откидываться назад, и тогда в нем можно было даже накоротке вздремнуть – сидела, поджав под себя ноги, Варвара с тяжелой книгой на коленях. Она спала.

Доктор осторожно вынул из-под ее рук книгу, посмотрел на переплет – учебник анатомии. Ну да, лекции, семинары, а тут еще и работа – устает, бедная. Странно, что она не убежала домой после его ухода. А что он, вообще, о ней знает? Вот Ольга – та знает, она обо всех все знает! «Неревнивая я!» – ишь ты... А сама подсунула вместо себя девчонку и убежала к своему сожителю, так называемому гражданскому мужу. Да, впрочем, какой тот ей муж? Разве от мужа бегают направо и налево? А Оля такая, крутанет своим пышным задом – и за ней сразу целая стая кобелей устремляется.

– У-ух, стерва! – с удовольствием воскликнул Баранов, воочию увидев, как совсем недавно вот на той самой кушетке... Эх!

Но его вскрик разбудил Варвару. Вздрогнув, она открыла глаза, потом потерла их тыльной стороной ладоней и спустила ноги на пол.

– Ты чего домой-то не ушла? – с грубоватой ухмылкой спросил он.

– А вы ж уехали, ничего не сказали... Я вот ждала, позанималась немножко. А сколько времени?

– Ночь глубокая, ехать-то поздно. Тебе далеко?

– Я лучше здесь посплю, если позволите, – просительно сказала она, поднимаясь.

– Оставайся, – снисходительно заметил он, в который уже раз оценивая взглядом ее тоненькую, но весьма крепкую фигурку: девушка, возможно, и не комсомолка, и даже не ах какая красавица, но зато спортсменка очень даже приличная – это точно... – Возьми вон там, в шкафу, одеяло с подушкой и ложись... да вот хоть на ту же кушетку. Или, если не нравится, ступай на диван в Ольгином кабинете. Там помягче.

Она посмотрела на него непонятым взглядом и с вызовом засмеялась.

– Ты чего? – слегка опешил он.

– Ох, Вячеслав Сергеевич! – протяжно вздохнула девушка, как опытная, пожилая дама, многое повидавшая на свете. – И все-то вы знаете! И где мягче, а где жестче! Все прошли, все испытали? А что, лично мне нравятся такие мужчины...

Вот это было признание!

– Это какие же такие? – Он уже вообразил себе, как она станет сейчас расписывать его несомненные мужские достоинства.

– А без комплексов, – улыбнулась она. – Захотел – взял. Так и надо жить на этом свете... Поэтому сами выбирайте, где вам будет удобней, я не возражаю. И потом, мы еще не все сегодня попробовали.

– Ха, это ты в анатомии, что ли, вычитала?

– И вы еще собственным опытом не поделились, мы ж только начали, да?

– Умница ты, – после паузы сказал Баранов, чувствуя, что разговор уже приобретает ненужную остроту, так ведь и планы сорвать можно. – Но пока, знаешь что, иди-ка ты все-таки к Ольге в кабинет. Мне тут надо несколько срочных телефонных звонков сделать, а может, еще и встретиться кое с кем. Я позже приду, а ты пока отдыхай...

Она вышла, оглянувшись на него возле двери, и опять он почувствовал возбуждение, когда по нему скользнули ее выпуклые голубые глаза. Но сейчас главным было не это. И Вячеслав Сергеевич достал из письменного стола свою записную книжку, где на всякий случай были зашифрованы им некоторые номера телефонов, о владельцах которых должен был знать только

он. И ничей чужой любопытный взгляд не разобрался бы в буквах и цифрах. Такая вот придумана была им конспирация – на всякий случай, береженого и Бог бережет...

Мобильный номер Додика отозвался. Бодрый, но незнакомый мужской голос без всякого акцента спросил:

– Вам кого? Куда звоните?

– Додик нужен, – в свою очередь с легким кавказским акцентом сказал Баранов.

– Кому нужен?

– Знакомый, слушай.

– Зовут как?

– Вай, любопытный! Ты у Додика спроси, он хочет, чтоб я назвался, да?

– Здорово, Слав, – тут же раздался в трубке голос Додика. – Какие проблемы?

– Меня посторонние не слышат?

– Нет.

– Тогда, если хочешь, чтоб у нас обоих не было проблем, срочно приезжай ко мне. На пункт, понял?

– Кайф найдется?

– Тебе – всегда, ты знаешь.

– Еду...

Он приехал быстро. Увидев из окна, как возле его «семерки» пристроился «ауди» Додика, Баранов спустился к выходу и открыл дверь.

Дмитрий Яковлевич Грицман, так было записано в паспорте Додика, невысокий, лысеющий брюнет с орлиным носом, но не кавказского, а явно семитского происхождения, с тонкими усиками и модной острой бородкой, небрежно, по-приятельски хлопнув ладонью о ладонь доктора, быстро взбежал по лестнице. При этом длинные полы его пальто распахивались, как крылья большой черной птицы. И когда Вячеслав Сергеевич поднялся к себе, предварительно заперев входную дверь, он увидел Додика, стоящего с полной рюмкой в руках. Это Варя так и не убрала спиртное со столика за ширмой, а Додик успел углядеть.

– Ваше драгоценное! – Баранов и глазом моргнуть не успел, как гость опрокинул в горло рюмку. – Сами не желаете, доктор? – засмеялся он. – Или это у тебя стимулятор для сугубо плотских целей?

И все-то он знает!..

– Не базарь, садись и рассказывай, Додик, что за люди такие? Перечисляю: Исламбек, Вахтанг и их окружение? Скажем, полковник Огородников еще. Какое отношение имеешь ты к ним или они к тебе? Я должен все знать, и срочно.

– А зачем тебе? – подумав, ответил Додик. – Хватит того, что они известны мне. Ты чего, сам на них вышел?.. А-а-а, – догадался вдруг он. – Это они, значит? И что ты им сказал?

– Ничего. Они упоминали о каком-то там Давиде... – При упоминании этого имени Додик невольно дернулся. – Сообщили, что по его просьбе этот Исламбек – да? выполнил мою просьбу. А я ответил, что никакого Давида не знаю, ни с кем ни о чем не договаривался, а если я нужен, то пусть полковник приглашает к себе, тогда и состоится базар. В смысле разговор. Завтра в десять в его кабинете в Текстильщиках. Теперь тебе понятно? Давай рассказывай, кому ты меня, сукин сын, жидовская морда, продал?

Баранов говорил нарочито спокойным тоном, хотя ему очень хотелось сейчас крепко врезать в эту смазливую рожу. И он знал, что у него получится, Додик всегда был слабаком в физическом плане, но и неукротимым в своей ненависти к кому-нибудь.

– Ты это... – сказал Додик негромко. – Ты не бери на себя... А то устрою то же самое, что твоей конкурентке, понял? И глазом не моргну, ты меня знаешь.

– Ладно, – легко согласился Баранов, – за морду извини, но кто тебя просил?..

– А это уже не твои заботы. Ты никому ничего не должен, я – тоже. Молчи в тряпочку. И запомни, расколется ты можешь только в последнем слове. Что, кстати, совсем не обязательно. Не желаешь? – спросил, наливая себе новую рюмку.

– И тебе не советую, если хочешь получить кайф. Принял уже – и достаточно.

Додик подумал и отставил полную рюмку.

– Так чего им-то от меня надо?

– А ты сам не просекаешь? – усмехнулся гость.

– Как видишь. – Баранов развел руками.

– Они хотят предложить тебе участвовать в их бизнесе.

– А ты почему знаешь? И что за бизнес?

Мог и не отвечать Додик, тут бы и дурак все понял. Какой бизнес? Да, какой он может быть у азиатов либо кавказцев, вошедших в сговор с ментовкой и желающих установить деловые контакты с наркологом?

– Знаю потому, что знаю их. А бизнес? Тебе чего, объяснять нужно, какой он у них? Только учти, я в эти их игры не играю. Мне собственный кайф дороже. Это все?

– А почему они знают про... ну про этих конкурентов? – постарался обойти острую и неприятную для себя тему Баранов.

– Так кадры у всех, по сути, одни и те же. Трепанул небось. Я усек, не волнуйся. А кто скрипач-исполнитель? Меньше знаешь – лучше спишь.

– Ага, и дольше живешь, так?

– Это как у кого получится, – ухмыльнулся Додик, скидывая на кушетку пальто, за ним пиджак и заворачивая рукав рубашки. – Есть один такой... Тоже давний мой приятель. Из МЧС, бывший... майор. Алкаш, но ручонки золотые. Тебе ни к чему... Как говорил поэт Лермонтов, в руке не дрогнет. Не успеет, сечешь?

– Ну так что, – поднимаясь, сказал Баранов и подошел к сейфу. Отперев его, он позвякал внутри какими-то склянками, достал одноразовый шприц, заполнил его из ампулы, потом смочил в спирте клочок ватки и подошел к Додику. – Я тебе несильный... Легонький такой, но кайф получишь славный.

– А с собой дашь?.. Парочку?

– Дам, куда от тебя деться... Приляг лучше...

Сделав укол, Вячеслав Сергеевич затер место ваткой, а шприц выбросил в корзинку. Потом достал из сейфа еще пару ампул и, обернув их ваткой, завернул в листок белой бумаги. Оставил лежать на столе.

– Ну что? – с легкой насмешкой спросил у Додика.

Тот уже поднялся и медленно опускал рукав, одевался. При этом глаза его светились.

– Как называется, – немного хриловатым голосом спросил у доктора.

– Не важно. Если не будешь злоупотреблять, и кайф получишь, и от ломки убережешься.

И снова врал доктор. Наркотик он вколол парню такой, после двух-трехразового приема которого человек железно садился на иглу. Ну а после, как говорится, «передозняк» – и полная хана. Но это произойдет не сегодня и не завтра. Потому что Додик был еще нужен Вячеславу Сергеевичу. С ним еще не закончилась работа. А вот когда дело окончательно будет сделано, вот тогда и можно отправлять парня к праотцам.

– Ну как, нормально? – спросил Баранов.

– Полный порядок! – Додик показал большой палец и потянулся к рюмке. Доктор усмехнулся и махнул рукой – валяй!

– А теперь послушай меня, Додик. Да, кстати, а почему они тебя звали Давидом? Ты же Дмитрий?

– Это в паспорте, – с одышкой заговорил Додик, – а вообще-то я Давид. Про звезду Давида когда-нибудь слышал? Это мой знак! А еще...

Его уже начинало заносить, возбуждение нарастало, и слова лились безостановочно. Баранов решил, пока не поздно, вернуться к своему делу, а потом отправить парня восвояси. Не дай бог, Варька еще появится, тогда от этого совсем уже не отвяжешься.

– Значит, слушай меня внимательно, – сказал, садясь, Баранов. – Необходимо сделать еще один шаг. Причем желательно, чтоб прямо завтра. Можешь организовать? Но только без кровопролития.

– Что, муляж требуется? А для кого?

– Не муляж, а все по-настоящему. Но чтоб я мог обнаружить и... сообщить куда надо, понял?

– А как же?... – еще не сообразил Додик.

– А это пусть думает тот, кто поставит.

– И что, завтра?!

– Лучше сегодня. Если успеете, – усмехнулся Баранов.

– Бабки при тебе?

– А ты сколько запросишь? Учти, твой кайф дорогой! – Баранов просто не мог не поторговаться.

Додик уставился в потолок, повертел пальцами, прикидывая, потом сказал:

– За сложность, думаю... Тридцатник давай.

– Ты не ошалел?

– А ты чего хочешь? И рыбку съесть, и...

– Договорились, – перебил его Баранов, чтобы избавить свой слух от развязности своего ночного гостя.

Он поднялся, достал из сейфа три пачки долларов и швырнул их на стол перед Додиком.

– Слушай, мастер, а как я узнаю?

– Будешь смотреть внимательно. И дверь входную на себя не дергай.

– Только чтоб без ошибок!

– Да не бойсь ты! Ключи мне твои не нужны, он сам откроет, чтоб нужный след оставить.

Давай сюда кайф, я погреб.

Доктор придвинул ему ампулы, гость спрятал их в глубокий карман пальто, бодро поднялся и, сделав ручкой, пошел вон. Баранов за ним, чтобы запереть дверь. Вот теперь уже – он знал это точно – домой к себе ему ехать совсем ни к чему. И девочка, оказывается, пригодилась – как раз вовремя.

5

Как там ни объясняй, что ни говори, а к дверям своей квартиры он подходил осторожно и с определенным душевным волнением.

По странной случайности, доктор Баранов проживал в старой двухкомнатной квартире на Саввинской набережной. Это на другой стороне Москвы-реки и примерно наискосок от того дома, где несколько дней назад прогремел взрыв, унеся жизнь неплохой, в общем, женщины, вся вина которой заключалась лишь в том, что занимаемая ею должность вошла в противоречие с интересами другого человека.

И вот сейчас этот сорокалетний человек – с красивым, но утомленным от фактически бессонной ночи лицом, высокий и стройный, припарковав во дворе свои синие «Жигули»-«семерку», с кейсом в руках осторожно, внимательно глядя себе под ноги, поднимался по лестнице на второй этаж.

Никаких консьержек в этом старом четырехэтажном доме не было, как и лифта, а кодовый замок открывался последовательным нажатием на три кнопки, вытертые до блеска среди темных остальных постоянными прикосновениями многих пальцев самих же жильцов.

Тусклая лампочка освещала лестничную площадку с четырьмя выходящими на нее дверьми. Три были нормальные, в смысле обычные деревянные, обитые коричневым дерматином. Его собственная – железная, покрытая черным лаком и с глазком посредине. Вот ее и стал внимательно осматривать Вячеслав Сергеевич Баранов.

При этом он подумал с некоторым даже душевным облегчением, что, наверное, они просто еще не успели. Все вокруг было чисто, и никаких следов взлома двери не наблюдалось. Или что-то все-таки было? Да, что-то, назовем это интуицией, подсказывало доктору, что с дверью не все ладно. Он опустился на корточки, пригляделся и увидел наконец, что от нижнего угла металлической двери внутрь квартиры уходит не то проводок, не то проволока какая-то.

И ведь знал же, а все равно спину вдруг окатило ледяной волной. Но следом явилась холодная и расчетливая мысль.

Вячеслав Сергеевич ринулся звонить во все соседские двери. Стали выглядывать полусонные жильцы – времени только седьмой час! – спрашивая, что случилось? Но растерянный и бледный как полотно, доктор Баранов лишь размахивал руками и пытался что-то объяснить. Причем стоял напротив своей железной двери и никого не подпускал к ней близко. Наконец народ понял причину суматохи.

Кто-то присел и, ничего не трогая, сумел-таки тоже разглядеть почти неприметную проволоку внизу двери. Другой кинулся тут же звонить в милицию. Через полчаса прибыл милицкий дежурный наряд. Тоже по очереди приседали возле двери, рассматривали, а потом, оставив одного на страже, двое других укатили в отделение – за помощью.

Еще через какое-то время прибыли эксперты, тоже осмотрели находку, посоветовались и принялись звонить, вызывая экспертов из ФСБ. Дело оказалось серьезным, гораздо серьезнее, чем народ предполагал.

И пока уже среди районного начальства обсуждался этот вопрос, всех жильцов дома спешно эвакуировали. И те кто в чем толпились у парапета набережной, с «волнительным интересом» разглядывая, как их дом оцепляют со всех сторон полосатыми лентами, а невесть откуда появившиеся регулировщики стали заворачивать все машины, следующие по набережной, в объезд.

Только во второй половине дня специалисты-взрывотехники сумели обезвредить довольно-таки мощный заряд, хитроумно заложенный изнутри возле двери на четвертом этаже. Очень сложная оказалась работа. Никак невозможно было подобраться к бомбе с установленным взрывателем натяжного действия. Пришлось подгонять машину с люлькой и вскрывать окна квартиры и, лишь проникнув таким образом в помещение, обезвредить взрывное устройство.

Разумеется, ни о какой встрече с полковником Огородниковым в Текстильщиках доктор Баранов не мог и думать. Да он даже и не вспомнил об этой встрече, пока не позвонил сам полковник и не поинтересовался, что случилось. Вот тут, срываясь на отчаянный крик, почти на истерику, сумел наконец объяснить ему Вячеслав Сергеевич, что произошло.

Но Огородников, выслушав, спокойно, даже с оттенком насмешки, спросил:

– Ну и чем закончилось? Обезвредили?

– Слава богу! – в экстазе воскликнул Баранов.

– Было б о чем говорить... Ладно, чувствую, вам сейчас не до серьезных дел, давайте перенесем встречу на завтра, на то же время. Но уж постарайтесь, чтоб снова не нашлась подобная дурацкая причина. Это может вызвать у сведущих людей подозрение. А кто занимается вашим делом, в курсе?

– Приезжал Валентин Арнольдович Кучкин, кажется, он начальник следственного отдела межрайонной прокуратуры, ну и... из милиции были тоже. И из госбезопасности.

– Знаю его, хорошо, расспрошу при случае... Вот видите, сколько вы шуму наделали, доктор? Но вы там сами-то не особо светитесь, – усмехнулся Огородников и добавил совсем некстати: – Вы нам понадобитесь живым.

«Ну и шуточки у них», – холодно подумал Баранов и отключил свой мобильник.

И только после этого сообразил, что Огородников звонил ему по мобильной связи, а не по городскому телефону. А номеров-то своих он полковнику, между прочим, не давал! Но игру свою предпочел продолжить. И когда следователь – молодой парнишка из прокуратуры – стал задавать ему массу вопросов – что, почему, откуда известно да как ему удалось обнаружить? – Вячеслав Сергеевич уже четко придерживался выбранной линии, якобы избавившись от истерики и обнаружив тем самым твердость характера и силу воли.

Да, он в последнее время постоянно чувствовал за собой что-то вроде слежки... Нет, он не знает, кого подозревать... Но он очень близко к сердцу воспринял гибель Татьяны Васильевны Артемовой, фактически соседки, во-он из того дома, что напротив, которая была его коллегой по профессии и отчасти даже начальством. Как главврач ведущей больницы, она курировала, естественно, и деятельность неврологического диспансера, которым он руководит... Да, в последнее время у него появились опасения и за свою жизнь... Кем могут быть эти люди? Да кем угодно! Наркобаронами... барыгами... просто озверевшими наркоманами... К сожалению, такая публика – имелись в виду пьяницы, наркоманы, всякого рода бомжи – является, вольно или невольно, главными клиентами врачей-наркологов. Точнее, пациентами. И от этого никуда не уйдешь. И народ этот чрезвычайно мстительный и нелогичный. Поэтому причиной для совершения самого кровавого преступления для них может стать все что угодно, вплоть до косога взгляда со стороны...

Не стоит также забывать и то важное обстоятельство, что пост, к примеру, главного нарколога, кое-кому может представляться весьма хлебным. Увы, это распространенная ошибка людей, не представляющих, чем в повседневной жизни занимаются невропатологи, психиатры, наркологи. И за такой пост вполне может развернуться между несведущими, но жадными до легкой прибыли людьми жестокая борьба. Вот это уже будет ближе к реальности.

Изобразив, таким образом, свою помощь следствию, Вячеслав Сергеевич окончательно успокоился, прибрал в квартире, после того как здесь побывали десятки, если не добрая сотня ног, и стал подумывать о том, кого бы сегодня пригласить для поднятия тонуса? Варьку? Нет, пожалуй, с нее пока достаточно. Девочка продемонстрировала ему уже много чрезвычайно любопытного, но она неумоима, а он уже не в том возрасте, чтобы демонстрировать подвиги полового гиганта. Надо бы и что-то полегче. Значит?

Следовательно, надо вызвонить Ольгу, сочинив срочный выезд реанимационной бригады на дом к какому-нибудь обдолбанному сынку крутого папаши, а вместо этого просто отдохнуть с ней от дневных треволнений. Но в мягкой, щадящей форме. Ольга именно к подобным вариантам как раз и приспособлена.

Глава вторая Рабочие версии

1

Как ни пытался Вячеслав Сергеевич оттянуть свою встречу с полковником Огородниковым, ссылаясь на безумную загруженность по работе и необходимость являться в прокуратуру для разговоров с Кучкиным, увидеться им все же пришлось. Видимо, полковнику надоели отговорки, и он сам явился в наркологический диспансер. Приехал в гражданской одежде, чтобы не волновать клиентуру доктора своими милицейскими погонами.

Баранов немедленно выпроводил очередного пациента, отослал его к старшей медсестре на процедуры, а сам изобразил на лице озабоченность и пригласил нового посетителя садиться и рассказывать, что с ним. По поводу этакой демонстративной «забывчивости» Огородников лишь язвительно усмехнулся и предложил доктору запереть кабинет, чтоб не мешали посторонние.

– Ну конечно, – сразу «вспомнил» Баранов, кто перед ним. – Вы меня должны извинить, полковник, ни одной свободной минутки просто нет. Замотался. Да-да, мы же собирались встретиться, помню, как же! Но потом это идиотское событие с бомбой... Потом стражи порядка навалились со всех сторон, каждый требует от тебя каких-то объяснений, будто никто сам думать и не собирается, замотали... Так какие проблемы, полковник, извините, мы не представлены?

– Вы запомнили, Петр Ильич я.

– Ах да, простите великодушно! – изобразил полную уже свою растерянность доктор Баранов.

– Прощаю, – сухо ответил Огородников, и лицо его стало суровым. – Но, полагаю, вы правильно оцените этот мой шаг.

– Не совсем понял, но тем не менее внимательно слушаю вас, Петр Ильич. Дело в том, что лично у меня ни к вам, ни к вашей службе вопросов, как вам, должно быть, известно, не имеется. Стало быть, они есть у вас ко мне? Внимательно, повторяю, слушаю.

– Ну что ж, если вам нравится именно такая манера разговора, извольте. Что касается вопросов к вам, то не тешьте себя, доктор, они имеются, причем такие, на которые вам было бы трудно и, пожалуй, неприятно отвечать. Это относительно службы, которую я возглавляю. Соответственно имеются они и у меня. Но, памятуя о вашем желании сотрудничать в дальнейшем, к чему, кстати, были уже сделаны и первые шаги, как вам известно, я готов отнестись без предубеждения к вашим попыткам уйти от нашего разговора.

– Но помилуйте!.. – воскликнул Баранов.

– Не надо, – поморщился полковник. – Я не на прием к доктору явился. Дело не ждет, вот о чем пойдет разговор. Так что постарайтесь действительно выслушать меня внимательно. Для собственной же пользы... Итак, первое. Вы хотели освободить себе дорожку к креслу главного окружного нарколога? Вам ее освободили. Вы испугались возможных подозрений со стороны коллег и, особенно, власти и пожелали напустить туману вокруг собственной персоны? И это вам сделали... Логично было бы узнать, что вы еще задумали и как долго собираетесь тянуть с окончательным ответом?

– Минутку, мне никто не задавал никаких вопросов, поэтому и отвечать не на что!

– Неужели вы такой наивный, доктор? – усмехнулся полковник. – Неужто вы так и не поняли, что следователи господина Кучкина не спрашивали вас ни о чем после гибели вашей

соперницы лишь по той причине, что вы сами оказались таким ловким? Так ведь дело легко поправить. И найдется как минимум пяток свидетелей, которые дадут против вас необходимые показания. И потом, неужели вы считаете, что истерика, которую вы закатили возле своей квартиры, действительно обеляет ваши поступки? Я и не мог подумать, что вы столь легкомысленны. Вы меня разочаровываете!

– Но если вы, как уверяете, решительно все знаете, то где же ваш служебный долг, господин полковник? Где ваша профессиональная честь? Уж не шантажировать ли вы меня приехали?

– Мне всегда нравились догадливые люди. Пусть и совершенно беспринципные. С ними можно позволить себе быть откровенным до конца. Судя по оговоренным вами с исполнителями условиям вашего хитроумного плана, вы показались мне человеком, с которым можно иметь дело. Если скажете, что я глубоко ошибаюсь, так и не проникнув в глубокий смысл ваших моральных построений, я готов немедленно покинуть этот кабинет и больше не общаться с вами, ибо... Ну как бы вам понагляднее объяснить? Ибо, скажем, не существует сумасшедших, которые захотят общаться с пустым местом. В буквальном смысле пустым. Или, точнее, с внезапно опустевшим, в связи с тем что его обитатель безвременно нас покинул. Вам это ни о чем не говорит? – Полковник посмотрел с насмешкой и полез в карман. Но достал не пистолет, как мелькнуло в голове Баранова, а пачку дорогих сигарет «Давыдофф» и золоченую зажигалку. – Вы, надеюсь, не возражаете?

– Перестаньте мне угрожать, плевал я на ваших возможных свидетелей. Нет их у вас и быть не может. Но выслушать вас я готов. Курите, – безнадежно махнул рукой доктор и, встав, открыл настежь форточку. Садясь, спросил: – Значит, я получаю конкретное предложение?

– Вы не совсем правильно поняли, – сказал полковник, затягиваясь и выпуская струю по направлению к форточке, – предложение о сотрудничестве, судя по совершенной недавно акции, вами уже принято, – словно бы пошел на попятный полковник. – Речь идет лишь о том, как будут налажены рабочие связи и как вы сами сумеете создать свой... ну, скажем, производственно-творческий актив. Будут трудности на первых порах – ничего страшного, мы поможем и своими связями, и возможностями.

– А какой товар вы имеете в виду? – спросил Баранов. – И какой процент будет определять мою долю?

– Вот это более серьезный разговор, – удовлетворенно кивнул полковник. – Учитывая ваши сложности на первых порах, мы могли бы предложить вам... ну, к примеру, десять... даже двенадцать процентов от общей стоимости доставленного к вам товара. Учтите, вы не один, и ваша личная сумма уже на первых порах составит что-нибудь порядка пятидесяти тысяч.

– Вы о «зелени»?

– Разумеется. Ежемесячно. В дальнейшем процент может увеличиться. А на фоне ваших сегодняшних заработков – по всем направлениям, – полковник подмигнул с пониманием, – вы до конца текущего года, если оставите за собой исключительно одну организацию дела, ну и, естественно, подбор кадров, сможете увеличить свой личный капитал до миллиона. Это вполне реально. Скажу больше: нам это даже выгодно, ибо сытый человек действует осмотрительнее и изобретательнее голодного. Уж поверьте моему опыту. Убедил?

– Пожалуй, да, – ответил Баранов и задумался.

Перспективы рисовались головокружительные. Если полковник не врал. А он, похоже, не врал, хотя почти наверняка преувеличивал – именно с целью заставить слушателя трепетать при виде сверкающих уже в осязательной близости россыпей.

– А зачем тогда нужна была странная встреча с этими... Исламбеком... Вахтангом?

– Вы будете иметь дело напрямую со мной. Либо с моим собственным представителем. А эти? Каждое серьезное дело составляет определенная цепочка заинтересованных лиц, которые

желают знать, с кем придется работать. Это естественно. Но вам лучше эти имена на время забыть. Позже – видно будет. Дальнейшее определит уровень, доходы, иные слагающие.

– А насколько я могу быть уверенным, что должность главного нарколога...

– Вы хотите сказать: не уйдет ли она к другому? Это также, кстати, зависит в первую очередь от вас. От вашего твердого слова. Вам же теперь известно, что мины могут взрываться. Или не взрываться. В зависимости от точки зрения и даже воли заказчика, посредника, непосредственного исполнителя и так далее. Мы в данном случае заинтересованы, чтобы конкретно вы заняли этот пост. Он даст вам больше возможностей, верно?

– Смотря, что вы имеете в виду, – осторожно ответил Баранов.

– Да бросьте вы, ей-богу, – махнул рукой полковник.

Он поднялся, подошел к окну, небрежно выкинул окурок в форточку, по-хозяйски закрыл ее.

– Так как, я могу передать?

– Я согласен, – совершенно севшим от волнения голосом проговорил Вячеслав Сергеевич.

– Прекрасно, договорились. Вашу руку! – Полковник крепко пожал ладонь Баранова. – Товар вам привезут, возможно, в самое ближайшее время. С примерными расценками. По поводу качества можете не сомневаться.

– Но у меня могут быть встречные предложения, – возразил Баранов.

– Мы их... я с удовольствием вас выслушаю. А мой служебный кабинет для вас открыт. Мобильный телефон – круглосуточно. Любой вопрос и любая сложность у нас решаются немедленно, в этом и успех кампании.

– А что мне делать со следователями?

– Ну, – развел руками полковник, – это уже ваши проблемы, доктор. Сами повесили их на собственную шею, сами и разрешайте полегоньку. Я думаю, что долго они вас пытаться не станут. Там у них сейчас куда более важные вопросы назревают. Ну разве что между нами... Ладно, так и быть. Вы сами себе здорово осложнили положение, доктор. Я имею в виду последнюю акцию. Не надо было торопиться, следовало бы посоветоваться со знающими людьми.

– Но с кем?! – воскликнул Баранов.

– Да хоть со мной, – цинично ухмыльнулся полковник. – Я понимаю, что сморозил глупость. Но в ней, вы сейчас убедитесь, немалая доля истины. Взрыв у Артемовой, как это было остроумно придумано вами, достиг сразу двух фактически противоположных целей. Убрал препятствие и одновременно переключил и приковал внимание следственной службы к недоброжелателям заместителя мэра. Это, между прочим, не первое покушение на замов нашего уважаемого городского руководителя, а раз так, то, значит, есть на то и веские причины. Но вот своей, как выражаются в наших службах, неавторизованной активностью вы совершенно напрасно привлекли внимание правоохранительных органов к себе самому. Или, точнее, переключили расследование на недоброжелателей куда более узкого круга, в котором отыскать недовольных вами, наркологами, гораздо легче. Да и проще. Агентура-то ведь имеется, не закончила она, к счастью, свое существование, несмотря на «завоевания демократии».

– И что же мне-то теперь делать? – растерялся Баранов.

– Не рыпаться. И твердо держаться своей линии. Жаль, я поздно узнал, а то бы сумел помешать вам совершить эту глупость. Но, так или иначе, теперь остается только ждать.

– А вы настолько в курсе дела, Петр Ильич?

– Я-то в курсе, да вы чуть было не вышли из-под контроля. Ладно, оставим пустые разговоры. Я поехал, а про меня придумайте для своих дам что-нибудь вроде бессонницы. Поверят.

И он покинул кабинет. А из головы Вячеслава Сергеевича долго еще не выходили слова насчет контроля. Да, у них все очень серьезно, и они пустыми словами не бросаются. Поэтому

надо быть вдвойне осторожным. Хорошо, хоть на слово поверили, не заставили какой-нибудь смертельно опасный договор подписывать. Впрочем, и это еще не исключено.

2

Не успел Огородников отъехать, как Баранову позвонил начальник следственного отдела Кучкин.

– Вячеслав Сергеевич, – не здороваясь, сказал он, – необходимо ваше присутствие. Понимаю вашу занятость, но и вы, уверен, должны быть заинтересованы в скорейшем раскрытии причин покушения на вашу жизнь. Подъезжайте к прокуратуре.

– Но у меня прием больных! В коридоре длинная очередь!

– Назначьте им другое время, – холодно и беспрекословно заметил Кучкин и положил трубку.

Вячеслав Сергеевич вспомнил старый, еще советских времен, анекдот.

Как там оправдывался узбек, которого в компартию не приняли за то, что он по молодости «басмачествовал маленько»? А вот прямо так и говорил: «Как неправду сказать, когда сам курбаши спрашивал?»

Да, оправданиями не отделаешься, когда тебя очередной «курбаши» к себе в кабинет вызывает! И доктор Баранов, отменив прием, а тех, что с процедурами, отправив к Ольге, уехал в следственный отдел.

По дороге он не мог отделаться от тревожного чувства, что сукин сын Додик, оказывается, возможно, и не стучал на него конкретно Огородникову, но что полковник знал о нем, Баранове, многое, это было несомненным. Даже, возможно, слишком многое. Что и придавало тому уверенности, будто доктор не станет трепыхаться. Не сможет. Так оно, в общем-то, и получилось. А теперь они, пожалуй, без всякого зазрения припишут себе чужие заслуги и так поставят вопрос, что доктор еще окажется им что-то должен. Ну уж нет!.. Как сказал полковник? Не рыпаться и твердо держаться своей линии? «Хм, интересно, а какая она, эта линия?» – не без саркастической усмешки задал себе вопрос Вячеслав Сергеевич.

Но долго размышлять на абстрактные темы доктор Баранов не умел, да и не хотел. Тем более что он уже приехал.

Моложавый и стройный Валентин Арнольдович Кучкин, в кителе с синими погонами старшего советника юстиции, вольготно развалился в кресле и не соизволил даже приподняться, когда вошел Баранов. Просто протянул через письменный стол, заваленный папками с бумагами, длинную руку и, поздоровавшись, жестом указал на стул у приставного столика:

– Садитесь, извините, если оторвал.

Он еще как бы спрашивал!

– Есть новости в расследовании? – озабоченно спросил Баранов, вежливо присаживаясь в этом учреждении на кончик стула.

– С чего вы взяли? – в свою очередь заметил Кучкин. – Я все от вас собирался их услышать! А вы молчите как... Ну как рыба об лед! – пошутил он и осклабился. – Так кого все-таки подозреваете?

Баранов развел руками.

– Насколько я слышал, – осторожно начал он, – мина у меня в квартире была примерно той же системы, что та, которая убила... нашу уважаемую Татьяну Васильевну? Здесь может просматриваться единый след, так?

– Это вы у меня спрашиваете? – ухмыльнулся Кучкин и двумя руками подтянул синий галстук. – Это мне самому интересно знать! Насчет общего, по вашему мнению, следа! Так кто же это мог бы быть?

– Я, конечно, могу только предположить, и то... неловко, будто я кого-то подозреваю в страшных преступлениях. Но это могла быть какая-то, скажем, навязчивая идея, и, например, у человека, вовсе не связанного с нашей профессией. В смысле врачебной. Маньяк какой-нибудь, недавно выпущенный из психиатрической клиники, либо вернувшийся после отсидки зэк, я знаю? Вот вам и результат.

– Но вы разве не считаете, что им мог оказаться также кто-то из тех, кто, подобно вам – я не ошибаюсь? – претендует на должность, которую занимала доктор Артемова? – строго спросил Кучкин.

– Я ничего не могу дополнить к уже сказанному по этому поводу. Но у вас же, кажется, была куда более реальная версия, я не ошибаюсь?

– Вы о чем конкретно?

– Что это не на Татьяну Васильевну была объявлена охота, а на ее высокопоставленного, насколько мне известно, супруга...

– Откуда вам известна такая версия? – уже совсем жестко спросил Кучкин.

– О господи, да из досужих разговоров вокруг, из сплетен, я полагаю.

– Была, да вот в связи с вашим эпизодом отпала. – И старший советник испытующим, прямо-таки сверлящим змеиным взглядом уставился на доктора.

В очередной раз Баранов почувствовал правоту полковника Огородникова. Ошибка очевидна. Но почему он ее совершил? По причине неуверенности! По той причине, что коллеги в первую очередь приписали бы покушение делу рук или организации доктора Баранова, давно претендовавшего на место главного врача ведущей клиники. Ну и соответственно на все остальное. И вот чтобы снять возможные кривотолки... Да, только себе хуже сделал. Но... остается твердо выдерживать свою линию.

– Я слышал... все от тех же специалистов, которые работали в моей квартире... что заряд был поставлен опытным человеком, э-э... минером. Но если этот минер, – или сапер, как их называют? – не болен психическим заболеванием, что, кстати, вполне возможно... Вы же знаете, в какой сложной реабилитации нуждаются порой люди, прошедшие чеченскую войну? Это я к тому, что если он и есть наш маньяк, тогда его задачи очевидны. И не пройдет дня-двух, как снова грянет взрыв у кого-то из моих коллег.

– И кого вы подозреваете? – быстро спросил Кучкин.

«Ишь ты, какой быстрый! – подумал Баранов. – Я бы тоже хотел это знать...» Но ответил раздумчиво:

– В нашем округе есть еще парочка невропатологов уровня Татьяны Васильевны. Но один уже стар для ответственных должностей – это Ампилогов. А другой... Что ж, вполне возможно... Это Рассельский. Он большой умница, да. И это... энергичный, хваткий молодой человек, без принципов. Так что вполне...

Эдька Рассельский был абсолютное ничто, полнейший дурак, но с великим гонором и самомнением. Вот и пусть теперь следаки за ним побегают!.. «Все равно им делать нечего», – добавил Вячеслав Сергеевич про себя злорадно.

– А больше никого не подозреваете среди тех, кому вы могли бы перебежать, как говорится, дорожку?

– Да я и названных ни в чем не подозреваю! – искренне возмутился Баранов. – Не знаю, право! Либо вы меня неверно поняли?

– Не волнуйтесь, – нахмурился Кучкин, – я правильно вас понял...

Но по его взгляду, который он машинально отводил в сторону, Баранов видел, что прав – ни черта тот не понял, а только окончательно теперь запутался. Значит, и дело сделано верно.

– Мы, конечно, постараемся проработать различные версии, в том числе и те, которые подсказали вы, господин Баранов, но я прошу вас со всей ответственностью постараться припомнить всех своих, а также, вероятно, и Татьяны Васильевны пациентов с каким-то, на ваш

профессиональный взгляд, ненормальным поведением. Или с неадекватной реакцией. Это очень важно для расследования... Ну что ж, больше задерживать вас не считаю нужным, но в следующий раз давайте договоримся сразу – никакие отговорки относительно вашей явки в наше учреждение приниматься во внимание не будут.

И он важно поднялся во весь свой высокий рост и протянул руку – со значением, следовало понимать...

Но моральные мытарства Вячеслава Сергеевича на этом не закончились.

Подъехав к своему «пункту», как он называл частенько наркологический диспансер, и заруливая на стоянку, он увидел рядом знакомый «ауди» Додика. А через секунду тот и сам опустил боковое стекло и взглянул на свежего и краснощекого доктора каким-то тоскливым, собачьим взглядом. А его обычная сероватая кожа лица сейчас отсвечивала в синеву. Мгновенная мысль подсказала, что все произошло скорее, чем предполагал Баранов. Сильный наркотик, который доктор вколол три дня назад любителю легкого «кайфа» Давиду Гринцману, сделал свое черное дело. Две переданные ампулы тоже ушли в дело, и Вячеслав Сергеевич увидел, что Додик, от которого он хотел, не ставя даже перед собой конкретной и быстро решаемой задачи, избавиться, сам уже выбрал свой последний путь.

– У тебя что-то случилось? – встревоженным голосом спросил доктор.

– Я такой жуткой ломки сто лет не испытывал, Славка, – почти просипел тот сдавленным голосом. – Что ты мне дал, падла? Я тебе вчера весь вечер звонил! Сегодня...

– Да милиция таскает на допросы! – обозлился Баранов. – Зря ты это все затеял!

– Я-а-а?! Ах ты гад ползучий! – Додик задергался в машине, пытаясь распахнуть дверь. Слюна брызгала у него изо рта.

Доктор выскочил наружу, помог открыть Додиду дверь, но не выпустил его наружу:

– Сиди! Сейчас чего-нибудь придумаем. Я помогу тебе купировать абстиненцию. Только не дергайся. Ты когда кололся в последний раз?

– Вчера, – прохрипел тот.

– Сиди, я сейчас приду. Дверцу только закрой и никуда не выходи. Я сейчас...

«Разумеется, у врача очень жестокая профессия, – как-то посторонне размышлял доктор, избегая в офис по ступенькам. – На то, чтобы жалеть пациента, просто не хватает времени и собственных душевных сил... Опять же и условия часто складываются настолько жестко, что жестче, как говорится, некуда... Вот как сейчас! И тут уже не до жалости. Просто приходится, ты вынужден делать так, чтобы выиграть время... Вот она какая штука – это время! И зачем он сменил имя Давид на Дмитрия? Какая разница, кем помирать? Все равно будут вспоминать Додика... Черт возьми, какая-то собачья кличка...»

Махнув только рукой на вопросительный взгляд Варвары, доктор быстро прошел в свой кабинет, открыл сейф и наполнил шприц двойной дозой того же самого тяжелого наркотика, который так быстро подействовал на его пациента. Бедняга Додик даже и не подозревал, что колол себе высококачественный героин. И ломка от него не идет ни в какое сравнение с теми последствиями от приема легких наркотиков, к которым он иногда прибегал, ради получения «простого человеческого кайфа».

А теперь доктор Баранов отлично знал, что делал. Наркотик подействует. Снимет состояние абстиненции. А затем? А потом, что называется, уж куда судьба-злодейка повернет...

Додик нетерпеливо ждал. Баранов сел к нему и сказал:

– Давай отъезжай подальше, чтоб нас тут не видели.

Додик послушно отъехал и свернул за угол.

– Ну закатывай рукав... Сейчас я тебе сделаю укол, быстро полегчает, и сразу же, никуда не заезжая, кати домой. Сегодня отлежишься еще немного, а завтра, по пути на работу, я заскочу к тебе на «Семеновскую» и привезу еще одну дозу. Последнюю, надеюсь. Я все-таки

отучу тебя, сукин сын, от наркотиков! – уже со смехом воскликнул он, вводя иглу без всякой стерилизации в проступившую на внутреннем сгибе локтя вену...

Он посидел в машине еще несколько минут, пока у Додика не прояснился взгляд и не порозовело слегка лицо. Сказал на дорожку:

– Сильно не гони, а то я тебя знаю! – и даже погрозил шутливо пальцем.

Затем он вышел из машины и с облегчением захлопнул дверцу. «Ауди» рванул и, быстро набирая скорость, исчез в переплетении переулков.

Поздно вечером, уже за полночь, Вячеслав Сергеевич, сидя у накрытого стола, смотрел телевизор – очередной выпуск программы «Вести. Дежурная часть». В восьмичасовых «Вестях» интересующих его «новостей» не было. Однако новое сообщение привлекло внимание.

Речь, как всегда, зашла об автомобильных авариях на городских улицах.

– В районе шестнадцати часов на Золоторожской набережной Яузы, на большой скорости пробив радиатором чугунную решетку ограждения, перевернулась и упала в воду автомашина марки «Ауди»...

«Где ж это? – немедленно прикинул Баранов и вспомнил, что где-то недалеко от Курского вокзала. – Ну правильно, это его, Додика, дорога домой.

– ...Водитель не сумел покинуть быстро тонущую машину. Прибывшие вскоре сотрудники милиции и спасательной службы Министерства по чрезвычайным ситуациям сумели поднять перевернутый автомобиль. Водитель, молодой человек по фамилии Грицман – это удалось выяснить из найденных у погибшего документов – оказался в салоне один. Врачебная экспертиза показала, что он не принимал алкоголя, а, возможно, просто заснул за рулем. Не исключено, что и под действием наркотика, на это указывают следы многочисленных уколов на его вене. Из показаний случайного свидетеля происшествия ясно пока одно: перед «смертельным прыжком» в воду автомобиль вел себя на дороге так, словно внезапно потерял управление...

– Ну вот и все... мир праху твоему, Додик, – прочувствованно сказал вслух Вячеслав Сергеевич, налил полную рюмку коньяку, поднялся и единым махом осушил до дна.

И почувствовал, как на душе потеплело, словно он бескорыстно сделал большое доброе дело.

3

Доктор медицинских наук Василий Наумович Ампилогов, как выяснил старший советник юстиции Кучкин, которому межрайонный прокурор поручил лично разобраться во всех событиях последних дней, связанных со взрывами в жилищах врачей-наркологов, в настоящее время находился на пенсии.

«Странно, – подумал Валентин Арнольдович, – этому-то сушеному грибу зачем было нужно устраивать фейерверки на лестничных площадках? Как-то все это выглядит нереально. Определенно притянута за уши», – решил он уже с раздражением, но по привычке не оставлять без тщательной проверки ни одного факта.

Оказывается, Эдуарда Григорьевича, лечащего врача той самой клиники, которой руководила погибшая Артемова, он уже видел, но лично знаком не был. Кучкин в тот день, когда было совершено убийство, запомнил почему-то этого рыжеволосого молодого человека в квартире Алексеевых-Артемовых. Он был в белом халате и делал успокоительный укол Георгию Витальевичу, который то взрывался истерикой, то беспомощно затихал и только плакал – тягостное зрелище видеть нормального, здорового и полного сил мужчину в таком состоянии.

А по поводу этого рыжего врача Валентин Арнольдович, помнится, еще подумал, что он прибыл с бригадой «скорой помощи». Но так как с пострадавшей было все и без слов понятно, то разговора не возникло.

И вот теперь, сидя напротив врача в ординаторской, откуда удалили посторонних, следователь Кучкин вел допрос Рассельского.

– Как вы оказались в квартире Татьяны Васильевны в момент ее гибели?

– Совершенно случайно, – потирая кончик веснушчатого носа, ответил Эдуард.

Называть его еще и Григорьевичем у Кучкина, что называется, рука не поднялась – больно молод еще. Но, вспоминая оценку, данную этому молодому человеку доктором Барановым, Валентин Арнольдович с сожалением подумал, что как раз вот от таких-то молодых, да ранних, и приходится ожидать всяких неприятностей. Вообще любой дряни! Никуда не годится сегодняшняя молодежь – все прохвосты и себе на уме.

– Что значит – случайно? Вы что, знали о взрыве? – удивился Кучкин.

– Узнал, – не ожидая подвоха, ответил Эдуард. – Татьяна Васильевна уже уехала домой, ее Веня повез, ну шофер ее мужа, а я оставался на дежурстве. И тут как раз неприятный случай. Вот я и позвонил ей на мобильник. Но никто не ответил. Тогда я набрал домашний, и тот же Веня мне сразу все объяснил. Ну я, конечно, бросил дела и помчался туда. И как раз вовремя, «скорая» еще не прибыла, а Георгию Витальевичу надо было срочно сделать уколы пантопона там, папаверина. И я знал, что Татьяна Васильевна всегда держала все необходимое в домашней аптечке. Вот таким образом...

– А о каком неприятном случае вы упоминали? Ну в клинике?

– Да какой неприятный? Обычный, в общем. Доставили к нам одного. В состоянии абстиненции. А он... Ну, в общем, особый пациент, отдельный разговор и к нашему делу отношения никакого не имеет. Там просто ее авторитет был нужен.

– Туманно вещаете, – недовольно покрутил головой и поморщился Кучкин. – Ладно, пока оставим. А теперь скажите, что вы сами думаете по поводу тех перспектив, которые открылись перед вами в связи со смертью главного врача?

– Да какие перспективы? Только те, что назначат к нам теперь какого-нибудь прохиндея вроде Славки Баранова. И перестанем мы называться клинической больницей для обычного населения, а превратимся в коммерческое заведение для элитных алкашей и наркоманов. Денег станут платить немного больше, это да, а насчет науки... Об этом можно будет забыть навсегда.

– Значит, вам не нравится Баранов? – спросил Кучкин, чувствуя, что, кажется, горячо.

– Почему? И потом, нравится, не нравится – это не критерий. И он не дама, чтобы производить впечатление. Нормальный современный хапуга от медицины. К нему и Татьяна Васильевна, сколько ее помню, так же относилась. Был, говорила, способным студентом, его продвигали, а потом он сам почувствовал свою силу, и поддержка не потребовалась. Вот и все.

– Интересная точка зрения. А как вы относитесь к этому... к Ампилогову, например?

– Ну что вы, Василий Наумович – не чета всяким Барановым, он по-своему святой человек. Бессребреник. Голова!

– А как вы считаете, мог бы этот ваш «голова» решиться занять место Артемовой?

– Ну и вопросыки вы формулируете, ей-богу! Да кто ж, по-вашему, откажется, если ему предложат должность главврача? И еще такой клиники, как наша?

– Но вы-то сами... Или лукавите? О своей кандидатуре на этот пост не думали?

– Слушайте, как вас? Валентин Арнольдович, у меня может сложиться ощущение, будто вы меня сватаете на место Татьяны Васильевны! А кто вы такой, чтобы делать подобные предложения? Тут нужен человек уровня того же Ампилогова, вот! Ну, может, лет через пяток, если повезет, и мне можно будет подумать. Да только в нашем мире дорогу всегда переходят прохиндеи.

– А как же Артемова?

– Она из другого поколения. Сейчас оно начинает уступать позиции молодым волкам.

– Вроде вас? – «тонко» пошутил Кучкин.

– Нет, мне в этой стае делать нечего. Я навсегда уже, видимо, останусь лечить людей, вот в чем дело.

– А другие не лечат разве? Это что-то новенькое – слышать такое от врача!

– А другие, ежели желаете знать, господин следователь, делают деньги. На всем! На здоровье. На лекарствах. На дружеском отношении – да, и на этом тоже. А вы не лезьте в медицину, где все равно ни черта не поймете, вы на собственных коллег поглядите! Много вас, действительно защищающих справедливость, а?

– На вашем месте я бы не стал грубить человеку, которого вы совершенно не знаете и который находится здесь не по своей воле, а в связи со служебной необходимостью. И потом, не вам рассуждать о справедливости. Я так думаю.

– Это почему же? Значит, справедливость как прерогативу вы оставляете исключительно за собой? Ничего себе посылочка! И почему бы не мне об этом рассуждать?

– А потому что вы в данном случае один из тех, кого мы подозреваем в подготовке и даже, возможно, в совершении убийства своей начальницы! – резко заявил Кучкин и, увидев выпученные в недоумении глаза Рассельского, добавил: – И это у нас, извольте знать, вовсе не приватная беседа, а натуральный допрос!

– Ах вот как? – Лицо Эдуарда стало наливать краской. – Тогда извольте и вы узнать, что без официального вызова в прокуратуру и без протокола я больше не отвечу ни на один ваш вопрос. И еще! Ординаторская не место для пустопорожних разговоров. Извольте немедленно покинуть помещение!

Он, этот развоевавшийся петушок, наверняка наговорил бы еще много глупостей, о чем позже, возможно, и пожалел бы, но Валентин Арнольдович, сам вызвавший подобную реакцию, не счел нужным переходить на перебранку. Он спокойно поднялся и сказал:

– Мне и самому не очень нравится такая обстановка. Конечно, в прокуратуре лучше. Там и звукозаписывающая техника имеется, чтобы запечатлеть интонации допрашиваемого. Лично я, знаете ли, молодой человек, стараюсь больше обращать внимание не на слова, а на те интонации, с которыми они произнесены. Вы правы, без протокола какой допрос? Так что имейте в виду: если вы мне понадобится, я вам пришлю повестку. А пока прощайте, я просто хотел познакомиться с вами.

Выйдя из клиники на скрипящий под ногами снег и под ослепительное январское солнце, Валентин Арнольдович подумал, что наводка доктора Баранова на этого молодого человека – элементарная пустышка. Ничего тут даже близко к истине не просматривается. Нормальный, по-своему закомплексованный парень, ничуть не похожий на «бомбиста-террориста», немного вздорный, как любой молодой человек. А на хладнокровного, расчетливого убийцу он просто не тянет – по определению, как теперь говорят.

Но тем не менее придется, никуда теперь не денешься, надо отработать и эту версию, покопаться в его биографии, прошлом, поговорить со знакомыми, соседями, собрать о нем информацию. Но лично заниматься этим делом Валентин Арнольдович не собирался, это можно поручить любому начинающему следователю прокуратуры. Пусть побегает, опыта наберется...

Другой вопрос: а что теперь делать с Ампиловым? К этому зубру, видимо, на той же козе, что к Рассельскому, не подъедешь. Да и сомневался уже Кучкин, что у старого врача, вышедшего к тому же на пенсию, поднимется вдруг рука на коллегу. Но чтобы избежать и тут ошибок, решил поручить сделать то же самое тому же следователю. А сам, посмотрев домашний адрес доктора медицинских наук, решил подъехать к нему без звонка, вот уж действительно для приватной беседы.

4

Василий Наумович оказался крепким еще, рослым стариком с седой гривой и аккуратной шкиперской бородкой. И жил он в такой же, похоже, старой квартире старинного дома в Пожарском переулке, из окон которого была видна возвышающаяся громада храма Христа Спасителя с его золотыми куполами.

Мебель в квартире тоже была допотопная – в смысле дворянских времен – массивная, резная, тяжелая, потемневшая от времени.

Прихожая в большой квартире, а также большая комната были забраны полками с книгами. И каждая из них видом своего когда-то золоченого, тисненого корешка тоже говорила о прошедшем времени.

Одного взгляда на эти стены, на эти фолианты, на старинные фотографии в рамках и темные гравюры в простенках и вырезах между книжными полками было достаточно, чтобы понять, кто здесь живет и о чем, кстати, думает, если на то пошло. Да и вряд ли этот могучий старик что-нибудь понимал в сегодняшних суесловиях и методах борьбы за вышестоящее кресло. Но тем не менее и его фамилию, причем в первую очередь, назвал доктор Баранов, когда речь у него с Кучкиным только зашла о возможных претендентах на должность Артемовой. Нет, не в качестве прямого конкурента, но все-таки фамилия-то прозвучала. С пиететом, правда, но ведь была озвучена. Как и фамилия недалекого, но весьма амбициозного Рассельского, в беседе с которым Валентин Арнольдович вот как раз тупости и амбиций не углядел. Тогда зачем же эти люди были упомянуты, так сказать, всуе? Сейчас, собственно, этот вопрос и волновал больше всего старшего советника юстиции. И он решил не темнить, а называть вещи своими именами. Да в этой обстановке, в самой атмосфере истинно профессорской квартиры иначе бы его вопросы к хозяину и не прозвучали.

После короткого знакомства, во время которого Василий Наумович удивленно поднимал брови – общаться со следователями ему, видимо, еще на дому не приходилось, – хозяин пригласил гостя пройти в гостиную и предложил сесть в тяжелое кожаное кресло. Сам устроился в таком же напротив.

– Я решился нарушить ваше спокойствие и заглянуть к вам, господин профессор, без предварительного звонка, – изысканно начал Кучкин, – поскольку дело, которое меня привело к вам, связано с гибелью Татьяны Васильевны Артемовой. Надеюсь, это имя вам известно?

– Ну как же, как же, – огорченно ответил Ампилогов, – я прекрасно знал Танечку... Отличная была женщина... гм, человек. Умница, терпением обладала исключительным, да-с... А это в нашей профессии значит очень много... Так в чем вы соизволили предположить мою помощь? Надеюсь, не подозреваете меня в соучастии? Да, так у вас говорят?

Он словно сам напрашивался на неприятные вопросы.

– Видите ли, профессор, из бесед с рядом лиц у следствия сложилось впечатление, что именно вы, причем гораздо лучше других, знаете либо знали окружение Татьяны Васильевны. По одной из версий, которыми располагает следствие, совершить подобное мог кто-то из людей, возможно даже входящих в это окружение, но попытавшихся таким коварным способом отеснить врача Артемову и занять освободившееся после нее служебное кресло. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

Ампилогов долго молчал, механически рассматривая свои книжные полки. Потом изрек:

– Если бы мне сказал об этом несерьезный человек, а в вас я вижу достаточно... э-э... солидного человека, я бы просто указал ему на дверь. Но, понимая, что зря подобные вопросы вы задавать не собираетесь, хочу немного подумать... Я, конечно, не только слышал об этой печальной истории, но и имел честь присутствовать в траурном зале на прощальной церемонии, да-с... Видел лица коллег, искреннюю печаль, скорбь, ну что я вам буду говорить!.. Убить,

чтобы занять? Нет, это представляется мне совершенно невозможным, тем более когда идет речь о женщине... А с другой стороны вы подойти не пробовали?

– Это с какой же? – насторожился Кучкин и даже привстал в убаюкивающем кресле.

– В том смысле, что Танечка оказалась, как это часто происходит в нашей современной жизни, случайной жертвой? Причем я передаю вам чужие слова, которые слышал во время похорон. Ну что главной жертвой был избран ее муж – крупный чиновник из Московской мэрии? Разве такая версия, как вы изволили заметить, вам не подходит? А что, ведь она более жизненна, если хотите!

– У нас имеется такая версия, она также в работе.

– Тогда, если позволите, еще вопрос?

– Пожалуйста, я для этого, собственно, и напросился к вам, уважаемый Василий Наумович.

– Вот вы сказали, что беседовали уже с рядом лиц. Не назовете ли мне фамилии?

– А вам зачем? – улыбнулся Кучкин.

– Для уяснения степени достоверности полученной вами информации.

– Ну вот сегодня я беседовал с господином Рассельским – это сотрудник Артемовой, очень переживавший ее безвременный уход из жизни. Имел я неоднократные встречи и с доктором Барановым, – возможно, вы тоже наслышаны о нем. И кстати, оба они о вас отзываются исключительно в превосходной степени.

– Они сами назвали мою фамилию?

– Нет, Рассельский просто ответил на мой вопрос относительно вас.

– А ваш интерес ко мне чем был вызван, позвольте спросить?

Кучкин несколько напряженно рассмеялся и на непонимающий взгляд профессора пояснил:

– Я пришел вас расспрашивать, а получается все наоборот. Но я скажу. Вашу фамилию в разговоре со мной, когда речь зашла о возможных претендентах на пост главного врача и соответственно главного окружного нарколога, назвал мне среди других именно доктор Баранов.

– Я понимаю, мой настойчивый интерес может показаться вам странным, молодой человек, вы уж извините меня, старика, за столь вольное к вам обращение, но мне было бы чрезвычайно любопытно, в каком контексте прозвучала в его устах моя фамилия? Это, надеюсь, не служебная тайна?

– Никакой тайны. Мы говорили о том, кто мог бы оказаться заинтересованным в уходе Артемовой. А лично о вас Барановым было сказано, что вы, разумеется, не можете проявить такую заинтересованность, ибо для этого поста вы не очень, скажем так, уже подходите по возрасту. Зато Рассельский, этот, наоборот, уверен, насколько я его понял, что возраст не помеха, а такая голова, как ваша, может оказаться незаменимой в кабинете главного врача его клиники. Вот и пойми их...

– Стало быть, Баранов... – задумчиво проговорил Василий Наумович. – И с чего это он вдруг? Загадка...

– Может быть, вам немного подскажет информация о том, что спустя четыре дня после гибели Артемовой точно такой же заряд, даже аналогичной мощности и идентичный по исполнению, был заложен в квартире самого доктора Баранова. И служба ФСБ полдня возилась, пока не обезвредила ту бомбу. Вот отсюда и возник интерес к тем лицам, которые могли бы... Нет-нет, не поймите так, будто я собираюсь подозревать вас, Василий Наумович! – воскликнул Кучкин, увидев протестующий жест Ампилогова.

– Не хватало еще... – глухо проговорил старик. – Да, но он-то все же назвал?

– Назвал, – вздохнул Кучкин. – И я даже отчасти рад этому обстоятельству. Оно помогло мне познакомиться с вами. В нашей жизни, к сожалению, уже не увидишь всего этого... – Он обвел обеими руками стены комнаты, но Ампилогов не отреагировал.

– Скажите, Валентин Арнольдович, а как у вас в присутствии, так сказать, называют отвлекающие маневры?

– Созданием ложной версии. Обычно на них уходит масса и служебного, и внеслужебного времени, но мы все равно вынуждены проверять каждый факт, имеющий отношение... вы понимаете? Каждый возможный пустяк.

– Еще как!.. Скажите честно, Валентин Арнольдович, вы не желаете выпить чашку вкусного чая?

– Я бы с удовольствием, но...

– Никаких возражений. Давайте пройдем на кухню, я поставлю на газ чайник, и мы спокойно обсудим новый поворот темы. Он может оказаться неожиданным и чрезвычайно любопытным...

5

Вечером того же дня Валентина Арнольдовича Кучкина, который вернулся в свой кабинет и мысленно раскладывал по полочкам впечатления от бесед с наркологами, его вызвал к себе прокурор межрайонной прокуратуры Иван Иванович Денежкин.

Встретил он начальника следственного отдела так, будто тот по меньшей мере крепко насолил ему, а сам сбежал от ответа и справедливого наказания.

– Слушай, Валентин, доколе мне на тебя будут жаловаться?

Первая мысль у Кучкина была о том, что сотрудник, которому он поручил узнать все про Рассельского и Ампилогова, где-то крупно прокололся. Но он же не мог сделать этого так быстро, задание получил по телефону только в середине дня, когда сам Кучкин ехал от одного фигуранта к другому. Хотя опять же, с другой стороны, от этих молодых можно ожидать чего угодно.

– Если вы о Сережке, Иван Иванович, то я ему специально поручил это дело. Там особых сложностей-то нет, просто беготни многовато. Конечно, понимаю, я мог бы и сам...

– Ты о каком еще Сережке? – нахмурился Денежкин.

– О Христофорове, нашем практиканте. Я подумал...

– Оставь его в покое! – резко бросил прокурор. – Не о нем речь, а о тебе! Ты беседовал с Георгием Витальевичем Алексеевым?

– Так точно, но...

– Тебе было сказано, что надо делать? Отвечай!

– Извините, Иван Иванович, – сообразил вдруг Кучкин, о чем и о ком речь, – но нам на выездах много чего говорят. Даже и врут, бывает. Мы записываем и проверяем. А приказывать нам ни один пострадавший не имеет права! А этот, кстати, не сильно и пострадал. Ему при мне доктор уколы сделал, он и успокоился, и нюни тут же распустил! Стал слезно жаловаться, что это против него покушение замыслили. Хоть бы о жене своей, только что убитой почти на его же глазах, доброе слово сказал, чиновник! Деревянная душа!

– Но-но, ты не очень... – вроде бы смягчился прокурор. – А мне, думаешь, легче? Вон уже с утра трезвонят из разных инстанций! Где прокуратура? Что она там себе думает? Почему не работают? Уже дома взрывают, а они – это мы с тобой, между прочим! – и не чешутся! Ну ответь, легко мне?

– Тяжело.

– То-то... Да не стой ты, садись! Рассказывай, какие имеешь версии?

Кучкин уселся напротив обширного стола прокурора и, припомнив недавний разговор с Ампиловым, начал рассказ о том, с кем встречался и к каким предварительным выводам пришел. Прокурор слушал внимательно, не перебивал. Но когда речь зашла о самом Баранове, а не о психиатрических выводах по его поводу старика-профессора, с сомнением покачал головой.

– И вы тут же решили, что он способен на такое? – Казалось, прокурор был даже огорчен столь примитивным выводом двоих умных людей.

– У вас другое мнение? – осторожно спросил Кучкин, у которого во время собственного рассказа уже у самого четко сформировалась версия о виновности именно Баранова, и он не собирался пока ее менять – без серьезных фактических соображений против нее.

– Мы говорим с тобой не о мнении, а о понимании поставленных перед нами задач. Совершено преступление. Даже два. Ну почти два. Мы обязаны их быстро и грамотно расследовать. Поэтому не надо с ходу считать себя умнее всех остальных, кто наверняка знает больше нашего, а следует немедленно запустить по следу... кого? Собаку-ищейку! И пусть бежит, вынюхивает, проверяет! Это хоть ты понял? А версию свою собственную разрабатывай. Но учти, успеха не добьешься, пеняй на себя. Ты все понял?

– Я понял вас, Иван Иванович, – смиренно ответил Кучкин.

– Тогда иди и принимай верное решение. Докладывать будешь каждый день. За отсутствие результатов тоже ответишь. Вот видишь, ты сердисься на меня, я же вижу, а я тебе все условия для успешной работы создаю! Несмотря на то что мне из-за тебя холку мылят!..

Валентин Арнольдович, будучи неглупым человеком, что, кстати, отметил и Василий Наумович Ампилогов, хотя ведь всего и поговорили-то с ним часок-другой, действительно сообразил, что если ты имеешь даже сотню рабочих версий, а начальство только одну, в которой безоговорочно уверено, надо работать именно над ней. Или умело делать вид, изображая невероятную озабоченность.

Но что необходимо для создания подобной «озабоченности»? Это только трата времени. И чтобы не отвлекать Сережку Христофорова от разработки своей версии, Валентин Арнольдович решил абсолютно ненужной, с его точки зрения, версией о покушении на заместителя московского мэра заняться сам. То есть просто поднять волну. Для начала.

«А между прочим, – тут же подумал он, – такой ход сейчас может быть очень даже своевременным. Пусть истинный преступник думает, что следствие отправилось-таки по ложному следу, и радуется удаче. А когда ты здорово радуешься, порой даже не замечаешь собственных ошибок... Можно сделать больше! Вполне можно выдать ему эту версию покушения на Алексея и посмотреть, как он отреагирует и что придумает уже по поводу покушения на самого себя? Какие отыщет аргументы? И вообще, найдутся ли они у него – вот в чем вопрос...»

И еще Кучкин решил, что прокурор Денежкин мудр по-своему, аки старый змий, он же ведь сам и подсказал, словно бы исподволь, такое решение. А шум, вызов на ковер, сверкающие молнии в глазах громовержца – это все как бы камуфляж. Для тех, кто разбирается в настоящем деле.

И что же? А это означает, что надо брать ноги в руки, звонить рассерженному непослушанием заместителю столичного градоначальника и ехать к нему с полной авоськой наводящих на размышление вопросов, а также с повинной головой. Прости, мол, барин, не поняли шуточки...

Так оно, в сущности, и вышло. Громовержец иссяк, а его место занял сильно обеспокоенный своей судьбой чиновник высокого ранга, который привык проявлять собственную демократичность сугубо по служебной инструкции.

Но взаимное непонимание проявилось с первых же минут разговора.

Старший советник юстиции толковал о том, что задачей расследования, как это обычно делается во всех аналогичных ситуациях, прежде всего, пока не остыли, как говорится, горячие следы преступления, является необходимость вычислить исполнителя. А уже через него потом можно выйти и на заказчика. Это обычно самый реальный и наиболее плодотворный следственный путь. Работа же в обратном направлении – от заказчика к исполнителю – не всегда оказывается удачной, тому есть множество примеров. И Кучкин собирался уже привести

в свое оправдание массу придуманных им примеров, но господин Алексеев оказался много хитрее.

Он заявил, что исполнителем может быть кто угодно, любой бомж с площади трех вокзалов, но вот найти и наказать заказчика – это главное дело, ради этого, собственно, и существует... Что конкретно существует, Георгий Витальевич, весь придавленный к своему креслу руководящими думами, объяснять, естественно, какому-то следователю не стал – тот и сам должен был понять его грандиозную мысль без лишних слов. А не сможет, – значит, придется потребовать другого следователя, умеющего лучше слушать и слышать!

Кучкин всем своим видом показал, что принял на свои плечи высокую ответственность. Но теперь предстояло самое, можно сказать, пикантное. Раз уж заместитель мэра настаивает на своей точке зрения, тогда ему придется – хочет он того или нет – назвать фамилии тех лиц, которых подозревает в откровенной недоброжелательности по отношению к своей персоне, а затем достоверно объяснить причины такого недоверия к ним. То есть, другими словами, раскрыть подноготную, если можно так выразиться, своей трудовой и общественной деятельности. А вот на этот шаг он вряд ли решится. И что тогда?

«А ничего, – со злорадством подумал Кучкин, – не будет искренности в показаниях – причем официально оформленных протоколом, а не просто некими туманными соображениями, высказанными как бы по ходу вольной беседы, – не будет и самого расследования».

С какой, к примеру, напасти примется следователь допрашивать генерального директора крупнейшего строительного треста в стране, либо тем паче министра, только по той причине, что у них натянутые личные отношения с чиновником из мэрии, пусть даже и важным? Как-то не могут усесть этого раз и навсегда наши чиновники, полагаясь на сосредоточенную в собственных руках власть. А надо бы их приучать, если уже не поздно...

Вот в таком ключе и продолжался разговор.

Валентин Арнольдович принялся заполнять протокол допроса потерпевшего – так официально, несмотря на слабый протест Алексеева, назывался сей документ.

– Ну какой же я потерпевший? – поначалу пробовал возмущаться он. – Хотя, с другой стороны, жена погибла, самого чуть инфаркт не хватил... Но может, как-то иначе все-таки назвать?

– Иначе не получится, – жестко настаивал следователь. – Не по закону.

Наконец Георгий Витальевич согласился, но, прежде чем объявить очередное имя своего откровенного недоброжелателя, готового свести с ним, оказывается, счеты даже бандитским способом, долго сомневался и раскачивался. А потом, надо ж было еще и собственные оценки давать. И тут опять вставала дилемма: протокол – вещь официальная, любой подозреваемый может потребовать у следствия предъявить конкретное обвинение в свой адрес и в случае чего подаст еще встречный иск за клевету! Как бы не нарваться на неприятности! Вот и подбирал Алексеев слова, поправляя себя ежесекундно и требуя вместо одного написать другое.

Валентин Арнольдович, проявляя четкую дисциплину, подчинялся требованиям и капризам «потерпевшего», а господин Алексеев между тем выдыхался. И настал момент, когда он, поморщившись и поглядев на свой роскошный наручный «роллекс», заявил, что его время истекло. Следователю оставалось поблагодарить солидного человека за откровенность и дать подписать ему каждый лист протокола, чтобы закрепить таким образом показания высокого должностного лица.

Это была хорошая минута. Не то чтобы миг торжества справедливости, но все равно определенный момент истины. Будущей истины, до которой еще грести и грести, как на лодке к далекому, на горизонте, острову.

Глава третья

Гром сверху

1

– Саня, я все понимаю. Я даже готов согласиться с твоей дочкой Нинкой, которая однажды мне так и заявила, причем открытым текстом и по телефону, отвечая на мой вопрос, о чем думает ее папа. Я уже не помню, по какому поводу, но поставлен был вопрос именно так. И знаешь, что она выдала? И, что меня особо поразило, она почти не размышляла?

– Костя, о чем же речь, к чему такое длинное предисловие?

– Чувствую твое изящное нетерпение. Она ответила: «Дядя Костя, по-моему, папе по фигу». Это ты научил ребенка так формулировать свои мысли?

– Когда это было? – грозно повысил голос Турецкий.

– Увы, давно. Но забыть об этом невозможно.

– Она, к сожалению, не ребенок, а вполне взрослая и самостоятельная девица, которой скоро исполнится пятнадцать лет, не забывай этого. К тому же, видит бог, Костя, наши дети растут скорее, чем мы им того желаем. И тем самым не оставляют нам никаких надежд на продолжение и нашей собственной беспечной молодости. Но ты, полагаю, звонишь не для того, чтобы пофилософствовать по поводу «быстротекущего» времени? Колись скорее, а то меня ждет шеф.

– Вот по этому поводу, наверное, и ждет. Так что приготовься. Лопушок там заготовь заранее, чтобы прикрыть себе эту штуку свою.

– Сказав «а», говори и «бэ», какого размера должен быть лист лопуха, чтобы прикрыть, как ты говоришь, «эту штуку»?

– Ты о взрыве в доме на Бережковской набережной слышал? Там больше недели назад погибла женщина. А через несколько дней подобная история едва не случилась на противоположной набережной, не помню, как ее. Новодевичья, что ли?

– Саввинская. Слышал. Только это произошло всего несколько дней назад. У тебя, Костя, время бежит слишком быстро. Ну и что? Подобные расследования длятся месяцами, если не годами! А тут несколько дней, подумаешь...

– Я тебе говорил, кто меня теребил уже по этому поводу?

– Костя, не тяни! Уж не хотите ли вы, вместе с генеральным, повесить и эту бузу на меня?

– Смотри, ты догадлив! Это радует.

– Я готов сто раз повторить, Костя, – раздраженно закричал в трубку Турецкий, – что сразу после нашего с тобой разговора я позвонил куда следует, проверил и дал соответствующие руководящие указания. Скажу больше. Там работает, по отзывам межрайонного прокурора, приличный и вполне достойный мужик. Нужна его фамилия – посмотрю, где-то записал. Ну звезд он, может, с неба не хватает, но деловой. Я предложил им подключить народ из городской прокуратуры, но они сказали, что сами справятся. Чего еще? Опять же и муровцы там на подхвате, если надо. Соседи из «конторы» бомбами занимались – картина ясная. Оба дела они соединили в одном производстве. Следствие движется. Так чего тебе еще от меня надо?

– Ну да, – сокрушенно как бы подвел итог разговору Меркулов, – я так и понял, тебе именно по фигу, как заявила твоя дочь. И она права, Саня. Ну а теперь иди к своему главному шефу и получай заслуженное. Потом не забудь только поделиться радостью.

Константин Дмитриевич Меркулов, заместитель генерального прокурора по следствию, с сарказмом фыркнул.

Александр Борисович, опустив трубку на аппарат внутренней связи, потер ладонью лоб и задумался. Если вопрос ставится в такой плоскости, то, что же он, первый помощник генерального прокурора, не так сделал? Откуда эти громы и молнии?

Быстро и привычно «провернув» в мыслях все известное ему по убийству главного врача наркологической больницы, фактически крупнейшего центра по излечению алкашей и наркоманов в Юго-Восточном округе столицы, Турецкий не смог найти причин для волнения начальства. Ну а коли это так, то нечего себе и мозги полоскать. Лопушок на задницу, ишь ты, какие мы умные!.. Но фамилию того следователя все же надо вспомнить... Кучин, что ли? Нет, поменьше, Кучкин!

– Слушаю вас, Владимир Анатольевич! – бодро провозгласил Турецкий, по знаку секретарши вошедший в кабинет генерального прокурора.

На лице он изобразил между тем столь глубокую озабоченность, что можно было подумать, будто он с утра и до поздней ночи не покладая рук трудится в своем кабинете во благо государственной законности. Хотел было подумать – социалистической, как говорили раньше, но от нее уже отказались, а к капиталистической пока так и не подошли. Как подмечено у бывшего вождя? Сегодня – рано, завтра – поздно, значит, глубокой ночью. Или что-то в этом духе.

Но зоркого глаза генпрокурора ему обмануть не удалось.

– Присядьте, Александр Борисович... – озабоченным тоном заговорил генеральный. – А что у нас известно по поводу взрыва в доме заместителя мэра? – Он даже поморщился, настолько неприятным казалось ему то событие.

– В настоящий момент по данному делу и аналогичному ему в доме напротив проводятся следственные мероприятия. Имеются рабочие версии, лично я... – Турецкий сделал «логическую» паузу, – знаком с ними. Отчасти. И считаю...

– Меня не устраивает, Александр Борисович, – строго перебил его генпрокурор, – это ваше «отчасти». И, видимо, не только меня. Должен вам с сожалением сообщить, – он уже говорил тоном, каким обычно начальство делает служебный выговор своему подчиненному, – что создавшееся положение категорически не устраивает также и ряд... э-э-э... из...

Теперь уже Владимир Анатольевич, вероятно, сам раздумывал, как назвать определенно звонивших ему – господами или, по-старому, товарищами? Остановился на привычном.

– Некоторых лиц из президентской администрации, а также из Совета Федерации, ну и конкретно нашего уважаемого мэра. И все недовольны теми темпами, которыми движется расследование. Это во-первых. А во-вторых, нам подсказывают, что, возможно, мы – я имею в виду лично вас и работающих под вашим постоянным контролем сотрудников межрайонной прокуратуры – не учитываем всех обстоятельств дела. Но по поводу последнего, я вам честно выскажу, Александр Борисович, свое мнение: вероятно, не стоит так уж всерьез принимать во внимание высказанные нам замечания. Еще ни одна администрация не указывала Генеральной прокуратуре, где и каким способом собирать доказательства вины либо невинности того или иного человека. Однако, как я уже заметил, выводы следует сделать незамедлительно. Ваши соображения?

– Насколько я понял вас, Владимир Анатольевич, вам было чрезвычайно неприятно выслушивать «советы» руководящих деятелей. Я вижу в этом и свою вину и готов покаяться. Но дело в том, что мне пришлось исполнять ваше устное поручение – в смысле ознакомиться с материалами следствия, создать свое мнение и при необходимости оказывать содействие местным кадрам, работающим, как у нас выражаются, «на земле». Все это и было осуществлено. Если вы полагаете, что мне это дело придется взять официально под контроль Генеральной прокуратуры, в том числе и под свой собственный... – вздохнул Турецкий, – наверное, потребуется ваше письменное распоряжение. Иначе я могу оказаться в роли частного лица, которое производит давление на следствие. Ну точно так же как это сделали те, кто звонил вам.

Это была, разумеется, дерзость, но смягченная совершенно искренним выражением лица. Да генеральному, вероятно, и самому уже осточертели звонки, поучающие его.

– Если вы полагаете, что для скорейшего расследования это вам необходимо, считайте, что получили такое распоряжение. Еще вопросы?

– Они могут возникнуть относительно кадров.

– Согласуйте с Константином Дмитриевичем, вам в этом смысле дается карт-бланш.

– Тогда последний. Кто конкретно звонил? Это для того, чтобы знать, кого при острой необходимости привлекать в качестве свидетелей, а на чьи слова не стоит обращать внимания.

– Ишь ты какой он! – воскликнул генеральный и укоризненно покачал головой. – А если я, к примеру, скажу, что тот потерпевший обратился лично к мэру, а тот во время недавней своей встречи – к самому президенту, который пообещал последнему дать соответствующее указание помощнику, а тот уже – нам, к кому вы собираетесь апеллировать?

– К мэру, естественно. Наверняка он знает больше, чем высказал президенту. Вот и пусть теперь тоже помогает расследованию. Там же, во врагах у Алексева, я слышал, чуть ли не половина руководства Белого дома, мешающего ему осуществлять политику в Московском регионе!

– Вы это слышали от него? – язвительно поинтересовался генпрокурор.

– Я с ним вообще не встречался. Это видно из материалов следствия.

– Вот и займитесь следствием вплотную. И постарайтесь, Александр Борисович, – снова поморщился Владимир Анатольевич, – чтобы звонки больше не беспокоили ни меня, ни иные вышестоящие инстанции. Покажите им всем, что дело попало в надежные руки. А письменное распоряжение вы получите немедленно.

Возвращаясь к себе в угловой кабинет, Турецкий раздумывал, почему столь обыденное задание с такой помпой поручено именно ему? Нет, убийство, кого бы оно ни коснулось, всегда особо тяжкое преступление, тут не возразишь. Но есть же помимо окружной еще и городская прокуратура, где имеются прекрасные кадры! Почему нужно, чтобы уже созданной и работающей бригадой руководил обязательно «важняк» из Генеральной? Да еще первый помощник самого?

Мысль, как это часто бывает, перекинулась на посторонний в данном случае объект – на быстро взрослеющую дочь Нинку с ее «папе – по фигу», и тут же настал момент просветления. Ну конечно, как сразу в голову-то не пришло?! Это же знаменитый эпизод из «Ералаша»! Там директор школы, по примеру своего ученика, истово бьется башкой о стену: «Достали! Достали!..» Вот и весь фокус!

Значит, генеральный прокурор решил на какое-то время даже отказаться от услуг своего первого помощника, потому что его уже достали! Вот кому и требовались лопушки, по меткому выражению Кости.

2

Александр Борисович позвонил в межрайонную прокуратуру начальнику следственного отдела Кучкину.

– Слушайте, Валентин Арнольдович, – со смешинкой в голосе начал он, – а ведь вы накаркали, на свою голову!

– Простите, кто это? – сухо спросил Кучкин.

– Турецкий.

– Здравствуйтесь, Александр Борисович, – сразу сменил тон следователь. – Чем обязан?

– Да это не вы, это я вам обязан. Вы расследуете себе. А на мою голову шишки валяются, почему нет контроля, понимаешь? Как вам это? Лично мне не нравится. Вот и вышло распоряжение соответствующее. Короче, я сейчас перезвоню вашему шефу, чтобы поставить его в

известность, а вы забирайте-ка все наработанные материалы и приезжайте ко мне. Впрочем, если хотите, я подскочу к вам.

– Лучше я, – вздохнул Кучкин. – А то у меня здесь проходной двор и постоянно достают звонками!

– Вот и вас достали! – засмеялся Турецкий.

– А чего тут смешного? – обиделся Кучкин.

– Абсолютно ничего. Просто я вспомнил директора школы из «Ералаша», который бился головой о стену! Не помните?

– Ну как же! Почти гимн времени!

– Значит, мы поняли друг друга. Жду...

Пока Валентин Арнольдович ехал на Большую Дмитровку, Турецкий отправился к Меркулову: надо ж было и с Костей «поделиться радостью».

– Судя по твоему сияющему виду, – сразу сказал Константин Дмитриевич, – тебя только что наградили. Чем?

– Их светлость отобрали у меня принесенный с собой лопушок, чтобы прикрыться самим.

– Да ну? Что ж, диспозиция понятна.

– Ну да, достали!

– Очень верная формулировка. И что думаешь делать?

– Во-первых, хотел с тобой посоветоваться, а после – со Славкой Грязновым. Вы оба, я слышал, умные люди...

Меркулов благодарно склонил седую голову.

– ...и замечательно информированные собеседники.

– Короче, чего надо? Чего хочешь?

– От тебя – Володьку Поремского. От Славки – его орлов, парочку хотя бы. Но чтоб под его крылом.

– Разве там своих кадров не хватает? Ты же сам только что уверял, что этот, как его...

– Кучкин.

– Ну да, толковый следователь? Так в чем же дело?

– Раз вы меня самого втравили, Костя, в эту гнусную, я уже носом чувствую, историю, то дайте людей, с которыми я привык и умею работать. А Кучкин этот, который сейчас привезет мне все материалы, может быть сколь угодно и толковым, и растолковым – делу это мешать не будет. Но обычного следователя, тем более из той же межрайонки, я к мэру либо в Белый дом послать не смогу, его просто не примут. А вот Володьку – пусть только попробуют.

– А сам, значит, не хочешь?

– А я, Костя, буду изображать из себя тяжелую артиллерию. Ка-ак вмажу! Вот они и должны бояться, и каждый знать свой шесток! А то ишь ты, Совет Федерации! Иммунитет неприкосновенности! Запоют, когда потребуется, как миленькие!

– Чего это ты развоевался? – усмехнулся Меркулов. – Или готовишься к затяжным боям?

– А вот этого, Костя, я думаю, не случится. И вообще, у меня есть ощущение, ничем, правда, пока не подкрепленное, что в данном конкретном деле нам придется искать не какую-нибудь суперсекретную мафию на уровне правительства, а самую обыкновенную – с того же, к примеру, Черкизовского рынка. Славного представителя мэрии, между прочим, могли также и на испуг взять. Зато покушения на двоих наркологов, причем на одного со смертельным исходом, лично мне указывают куда более низменные адреса. Но посмотрим. Во всяком случае, у следователя, который сейчас подъедет, кажется, точно такое же мнение.

– Но почему ты считаешь, что в данном случае прав он? А не, скажем, заместитель спикера Совета Федерации?

– Вот и ты, Костя, сознался, откуда ветер дует! А потому, что все убийства подобного рода всегда имели в основе своей совершенно конкретные и порой даже весьма примитивные цели. Дележ!

– А разве в той же мэрии не было аналогичных случаев? Ты вспомни! За последние пяток лет! Трое или четверо серьезно пострадали! Или это для тебя уже не аргумент?

– Я согласен, но если бы такая нужда вдруг, к примеру, возникла у меня, то я бы достал именно самого Алексеева, а не его совершенно безвинную супругу, кстати, говорили, очень милую женщину. И ту же самую ситуацию едва не повторили в квартире другого нарколога из того же района. Вот-с! Извольте видеть! Но в последнем случае у меня есть некоторые вопросы, вот он сейчас приедет, мы и разрешим.

– В логике тебе отказать не могу. Что ж, вникай. Поремского обещаю. А с Вячеславом сам договаривайся. Привет ему, кстати, от меня. Мог бы, между прочим, и в гости пригласить, важный больно генерал-то, да у меня и звездочек на погонах поболее будет, – проворчал Костя, но добродушно. – Ступай, не мешай работать!

Кучкин задерживался, и Турецкий стал названивать Грязнову.

Вячеслав Иванович с юмором отнесся к «новому назначению» друга – посочувствовал в том плане, что «демократические процессы в обществе», кажется, достигли наконец своего апогея, если сам помощник генерального прокурора брошен на искоренение бытовой преступности.

Славка, видимо, не знал, да и не догадывался о подноготной этой истории. В Департаменте уголовного розыска МВД страны хватало и своих собственных проблем – иного масштаба. И пока Турецкий, в самых общих чертах пересказывал ему существо дела, Грязнов поощрительно поддакивал, но, когда разговор коснулся его личной помощи, задумался. Однако, понимая, что поддержка друга в любых смыслах – дело обязательное и круглосуточное, как заметил один покойный уже поэт, обещал и свою посильную помощь.

Ну а тут в дверь постучали, Турецкий крикнул: «Войдите!» – и увидел слегка взъерошенного Кучкина. Сказав Славке в трубку, что к нему пришли и разговор переносится на вечер, Александр Борисович отправил ее на место и предложил следователю садиться.

– Ну давайте посмотрим, что у вас?.. Нет, поступим иначе, сначала расскажите, что вы сами думаете по поводу этих покушений, – начал Турецкий.

– У вас есть намерение соединить их в одном производстве? – спросил в свою очередь Кучкин.

– А у вас разве нет?

– Сложный вопрос, – уклончиво ответил следователь.

– Чем же? – удивился Турецкий.

– Видите ли, Александр Борисович, лично я согласен с вашим мнением. И Иван Иванович – тоже, как я понимаю.

– А что, это очень трудно понять?

– Ну как вам сказать...

– Послушайте, Валентин Арнольдович, – слегка раздражаясь, заметил Турецкий, – давайте не будем ходить вокруг да около, а назовем вещи своими именами! Иначе мы можем не сработаться. Я терпеть не могу экивоков!

– Я тоже! – улыбнулся Кучкин, разряжая возникшее напряжение. – Но в этом деле имеется ряд сопутствующих, скажем так, величин, которые способны помешать нам расследовать дело в избранном нами направлении.

– Это вы про Алексеева, что ли? – с уничижительной гримасой спросил Турецкий.

– Вы же наверняка с ним не встречались, а я – только вчера.

– И как впечатление? – насмешливо спросил Александр Борисович. – Страшен?

– Не то слово! – засмеялся Кучкин.

– Что ж, значит, будем пугаться молча. На нас, я имею в виду Генеральную прокуратуру, тоже пытаются произвести впечатление.

– Уж не размерами ли глобальной катастрофы? – неожиданно спросил Кучкин, и Турецкий, внимательно посмотрев ему в глаза, кивнул и ответил:

– А мы с вами все-таки сработаемся, Валентин Арнольдович.

После такого резюме Александр Борисович придвинул к себе папку с материалами и стал внимательно просматривать их, иногда задавая короткие вопросы, на которые следовали столь же лаконичные ответы. Документов набралось уже достаточно. Были среди них протоколы допросов свидетелей и потерпевших, протоколы осмотра мест происшествия, акты судебно-медицинской экспертизы, заключения взрывотехнической экспертизы. И из всей этой груды собранных материалов Турецкого в первую очередь заинтересовали акты экспертизы взрывотехников.

И в первом, и во втором случае были использованы аналогичные заряды – тротиловые пашки со взрывателем натяжного действия. И масса взрывчатки была одинакова – до трехсот граммов, то есть вполне достаточно, чтобы разнести в клочья не только человека, но и все вокруг него. Это говорило прежде всего о том, что в обеих акциях действовал фактически один и тот же подрывник. Правда, в первом случае заряд был установлен в трубе лестничного мусоропровода, а во втором – сразу за металлической входной дверью квартиры.

То есть, другими словами, можно было с уверенностью предположить, что подрывник либо те люди, которые указывали ему, куда ставить заряды, абсолютно четко знали свое дело.

Женщина поднималась по лестнице на свою лестничную площадку. Здесь, при открывании двери, ее и настигла смерть. Значит, убийца прекрасно знал, что все произойдет именно так, а не иначе.

Но в доме есть и другие жильцы, и далеко не все из них, возможно, пользуются лифтом – есть же любители бега, спортсмены, просто мальчишки, покурывающие на лестничных площадках тайком от родителей.

– Вы были в доме на Бережковской набережной? – по ходу чтения спросил Турецкий.

– Был, естественно, и не один раз.

– Там стены на лестнице в каком состоянии? И вообще, она посещается?

– Все стены, Александр Борисович, исписаны английской похабщиной. Я еще, помню, удивился – такой дом, а живут истинные варвары!

– И окурки, поди, валялись?

– А как же!

Все правильно, значит, по лестнице часто ходят... И тем не менее именно там и была поставлена бомба. А если бы в дверь на девятом этаже вошел другой человек, а не доктор Артемова? Кстати, почему она Артемова, а муж ее – Алексеев? Не захотела сменить фамилию? А сколько лет они состоят в браке? И есть ли дети? Отметил это для себя Турецкий и пошел дальше...

Итак, размышлял он, бомба установлена. Но где гарантия для убийцы, что дверь откроет именно тот человек, который и должен был стать жертвой покушения? Никакой, если убийца – или убийцы – не были абсолютно уверены в том, что ошибки либо случайной накладкой не выйдут.

Что говорит в пользу такой постановки вопроса?

Первое. Убийца знал точный распорядок дня Артемовой. А вовсе не Алексеева, который, как он сам признался, никогда на лестницу не выходил и ездил исключительно в лифте, причем в сопровождении охраны. Одновременно возникает вопрос: если это действительно так, то какого черта мину заложили в стороне, а не прямо на пути этого Алексеева? Похоже, что версия с попыткой покушения на уважаемого «мэрского» чиновника притянута за уши. Причем не исключено, им самим же.

Так ведь делают иногда, если хотят создать себе соответствующий имидж либо расправиться с противниками – чужими, так сказать, руками.

Второе. Убийца должен был знать еще и точное время, когда Артемова – именно она, а не кто-нибудь другой – потянет лестничную дверь на себя. Причем абсолютно точно, до минуты. Следовательно, в доме в этот момент кто-то должен был находиться – сам убийца, наводчик, помощник – не важно, но кто-то следил за тем, чтобы не произошла ошибка. Проверено ли это? Судя по отсутствию вопросов на эту тему в протоколах допросов свидетелей, нет. Это серьезная недоработка. Но ничего, пока еще исправимая, хотя время уходит и человеческая память как бы замыливается.

С этим домом покончено. Так, третье. Дом на Саввинской набережной.

Знал его Турецкий. Еще гуляя с маленькой Нинкой, возил ее на саночках в Лужники, благо это рядом с его Фрунзенской набережной, и иногда катал вдоль Москвы-реки. Старый дом, странно, что его до сих пор не снесли. Четыре этажа, мрачные внутренние дворы, отсутствие лифтов – и это практически в центре Москвы! Значит, в нем, на последнем, четвертом этаже, и проживает наш нарколог...

И где же была поставлена мина?

Она, судя по протоколу описания места события, была установлена в квартире, рядом со входной металлической дверью. Что с ней? Так, тип, модель, дата изготовления, стоимость... Все понятно, ставили частные мастера. Два замка – один обычный, английский, второй секретный. Но и тот и другой были легко открыты тем, кто устанавливал заряд, причем с малым допуском натяжения. Либо, что так же вероятно, «убивец» проник в квартиру через окно. И это на четвертом этаже? Но тогда его определенно кто-то видел. Однако свидетели показывают, что никто у них по стенам не лазал, в окна верхнего этажа не проникал и по крыше тоже не бегал. Это хоть проверили, молодцы. Значит, он открыл дверь – подобранными ключами либо отмычкой, имеет соответствующую квалификацию? – затем установил бомбу, взрыватель и сумел протиснуться в оставшуюся тесную щель между дверью и стеной, чтобы своим телом нечаянно не привести в действие взрыватель? Вот это уже больше похоже на правду.

Но тут есть еще кое-какие детали, не отмеченные в протоколе, которые придется прояснить для себя уже на месте действия...

– Заряд был, я вижу, установлен снизу двери?

– Да, прямо за ней. Я сам видел... после уже, когда бомбу обезвредили.

– Со взрывотехником, обезвредившим ее, беседовали?

– В общих словах, тот куда-то торопился. Просто показал, как была закреплена мина и на каком расстоянии от двери. А вас, видимо, щель интересует?

– Как вы догадались? – усмехнулся Турецкий.

– А я сразу задал себе вопрос, каким образом ее могли установить. Через окна квартиры – нет, они были все, кроме одного, закрыты и заклеены на зиму плотным таким скотчем. А то, через которое в квартиру проникли взрывотехники, с помощью машины с подъемной люлькой, пришлось фактически взламывать. То есть они выставили форточку и уже через нее справились со шпингалетами. Дом старый, делали прочно.

– И каков же ваш вывод?

– Тот, кто готовил покушение, был очень худым. Но не мальчиком, тому с таким делом просто не справиться.

– Очень хорошо, вы предвосхитили целый ряд моих вопросов. Итак, вы продолжаете настаивать, вопреки твердому убеждению своего начальства и требованиям верхних инстанций, которые уже не только вам одному плешь проели, что обе эти акции тесно связаны между собой какой-то единой, еще не понятной ни вам, ни им идеей? И что они, то есть ни одна из этих акций к господину Алексееву, который изо всех сил тянет это сомнительное одеяло на себя, ни малейшего отношения не имеет?

Явно пренебрежительный тон, коим это было произнесено, возмутил бы кого угодно, а что говорить о человеке, которого прислали, так сказать, на суд в Генеральную прокуратуру? И Кучкин даже вспыхнул, но сдержал себя и ответил, хмуро отвернувшись от Турецкого, которому он едва ли уже не поверил:

– Да, если вам угодно поставить вопрос в такой плоскости.

– Отлично! Значит, наши мнения полностью совпадают. Остается самая малость – найти им вещественное подтверждение. Собирайтесь!

Следователь был ошарашен таким поворотом дела и вспыхнул, залился краской, но уже по другой причине.

– Ку... куда? – с трудом выговорил он и слотнул.

– Как – куда? – Турецкий сделал вид, что не понял его. – К господину... как его? К Баранову, к кому ж еще? Домой. Позвоните ему и вызовите, пожалуйста. И не забудьте, если я это упущу, организовать на месте парочку понятых.

– Мы будем... производить обыск?

– Можно назвать и так... А станет отнекиваться, оправдываться срочными делами, скажите, что вскроем и без него, в присутствии милиции.

– Но ведь это же...

– А ему разве известно? Вы вообще, Валентин Арнольдович, имейте в виду – на будущее, что Государственная дума каждый божий день рассматривает какую-нибудь очередную поправку то к Уголовному, то к Уголовно-процессуальному кодексу... Когда соберут их в кучу и примут – тогда уж, как говорится, другое дело.

– Но это же всем известно! – возразил Кучкин.

– Я тут с приятелем ездил однажды, несколько лет назад, в глухое Подмосковье – он рыбак отчаянный, а я просто так, водочки на природе попить. И вот увидели нас местные жители и стали жаловаться. Батюшка, мол, у них – так-то он хороший, но с чудинкой. Тоже вроде нас заядлый рыбак. Иной раз, говорят, за рыбной ловлей в такой азарт входит, что про службу свою забывает... Ну и самый свежий, как говорится, пример тому. Троица, что ли, у них тогда была... Словом, исчез батюшка – день его нет, другой, а тут и праздник подходит. Послали мальчишек искать. Даже лошадь им дали. Нашли – забрался он со своими удочками черт-те куда на острова. И вот видят бабки, собравшиеся у церкви, как верхом на кобыле – без седла! – скачет батюшка. Бородища развеивается, ряса, или что там у него, крыльями во все стороны машет – демон верховой! Примчался, с кобылы спрыгнул и кричит: «Вы чего, мол, дуры старые, головы людям морочите? Какой праздник, когда такой клев?! Завтра будет вам праздник!» Те хором: «Нынче уже, батюшка! Нынче Троица родительская суббота!» Вот тут он стал в позу, руки в бока, бородища кверху! «Сказал – завтра, значит – завтра! Кто к Богу ближе – я или вы, сороки старые? Он, стало быть, – мне, а уж я – вам!» Повернулся, взлетел на кобылу – и только его и видели. Вот они нам и говорят: «Вы, мол, на такой важной машине, – это у приятеля джип мерседесовский был, – вы б его урезонили малость, озорника-то!» Такое, понимаете, отношение к власти...

Кучкин рассмеялся, представив прямо-таки чудовищную картинку, взятую со страниц фантастических книг.

– Поняли, зачем я это вам рассказал? – строго спросил Турецкий и... не выдержал, сам рассмеялся. – Затем, чтоб вы себе уяснили: это вы с кодексами на «ты»! Кому ж, как не вам, и знать, что в данный момент нужно, а с чем можно погодить! Вперед, коллега!

3

Вячеслав Сергеевич Баранов был чрезвычайно недоволен, что его самым наглым образом оторвали от серьезных и не терпящих отлагательства дел – как минимум государственных! – и

заставили мчаться к себе домой, чтобы в очередной раз выслушивать глупости самонадеянных следяков.

Все это он и продемонстрировал на своем ухоженном, не потревоженном никакими сомнениями лице, когда увидел на лестничной площадке, возле двери своей квартиры, знакомого уже следователя из межрайонной прокуратуры, который успел надоесть еще в прошлые встречи иезуитскими вопросами, а рядом с ним высокого, молодого, светловолосого человека. Еще двоих – мужчину и женщину – он знал, они проживали двумя этажами ниже. Был и еще один – совсем молодой, но совершенно лысый парень с видеокамерой в руках. Все они смотрели на Баранова вопросительно, словно чего-то ожидали от него. А что им было нужно, Вячеслав Сергеевич даже и не догадывался. Может, кино хотели ему показать? При свидетелях, так сказать! О чем он тут же и спросил с грубоватой прямолинейностью врача, которому за годы его нервной работы до чертиков надоели бесконечные пациенты с их вечными глупыми жалобами.

Соседи заметно смутились. А парень с видеокамерой поднял ее тубус к глазам, посмотрел, прикинул и обвел объективом, словно сделал панорамную круговую съемку.

Между тем незнакомец подал знак оператору, тот направил на него камеру, и этот человек заговорил в нее:

– Я, помощник генерального прокурора, старший следователь по особо важным делам, государственный советник юстиции третьего класса Александр Борисович Турецкий, находясь по адресу: Москва, Саввинская набережная, дом шестнадцать, на лестничной площадке перед квартирой номер пятнадцать, принадлежащей гражданину Баранову Вячеславу Сергеевичу, – глазок камеры переместился на доктора и запечатлел также и его, – с согласия хозяина квартиры и в присутствии понятых, проживающих в этом же доме, в квартире девять, граждан Коротковых Петра Ивановича и Марии Гавриловны, произвожу следственный эксперимент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.